

84(3)
н. 83

Мэри Хортон

ПОМЕЛО
И
МЕДНАЯ ШИШЕЧКА

84(3)
Ч. 83

Мэри Нортон

ПОМЕЛО И МЕДНАЯ ШИШЕЧКА

Москва

2005

84(48en)

ББК ~~83.8~~
Е73

Издание осуществлено
в рамках федеральной целевой программы
«Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии
и книгоиздания России»)

Мэри Нортон
ПОМЕЛО И МЕДНАЯ ШИШЕЧКА

Старая, добрая Англия! Там даже деревенские колдуньи — истинные леди. Элегантно одеваются, дают уроки музыки и непременно моют руки перед тем, как творить чудеса. Именно такая дама однажды случайно упала с помела, пролетая над соседским садом. А в саду, несмотря на раннее утро, гуляли трое воспитанных английских детей... В общем, совместными усилиями эти четверо англичан с хорошими манерами натворили такого, что только в сказке и возможно...

ББК 83.8
Е73

© Н. В. Ермильченко, перевод, 2005.

© А. И. Черных, художник, 2005.

© ИФ «Унисерв», 2005.

ISBN 5-86035-047-3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Можно ли превратить заурядные летние каникулы в нечто незабываемое? Легко! Надо только случайно обнаружить, что в соседнем доме живет начинающая ведьма. В благодарность за ваше молчание она обеспечит вас приключениями при помощи свежесваренных заклятий. Именно так и произошло с героями этой сказки.

ВСТРЕЧА

Сначала будет не сама История, а Предыстория.

Кэри, Чарльз и Пол довольно скучно проводили лето у своей тетки в Бедфордшире. Если вам это интересно, Кэри была примерно вашего возраста, Чарльз немного младше, а Полу едва исполнилось шесть. Что касается тетки, ей было уже немало лет — старая, чопорная и язвительная леди: ребята не могли припомнить случая, чтобы ее блеклые голубые глаза хоть раз потеплели от улыбки. И дом был ей под стать: старинный, с просторным холлом, широкими лестницами; в нем всегда царили сумерки. Ни один цветок не радовал глаз в большом саду: дом окружали высокие старые кедры и подстриженные газоны.

Ребята побаивались этого дома, и тетки Беатрисы, и ее вечно хмурой пожилой горничной Элизабет. Целыми днями они пропадали на речке или на скотных дворах, на деревенских улочках или зеле-

ных холмах в окрестностях Бедфордшира. Но ни разу не опоздали к столу — потому что находились в гостях... ну и, в глубине души, были послушными детьми.

День шел за днем, и каждый следующий как две капли воды походил на предыдущий — до тех пор, пока мисс Прайс не растянула щиколотку.

Тут-то и начинается наша История.

У вас тоже наверняка найдутся знакомые, похожие на мисс Прайс. Она носила элегантные костюмы серого цвета, а длинную худую шею обматывала пестрым шелковым шарфом. У мисс Прайс был острый нос и всегда очень чистые розовые руки. А еще она давала уроки игры на фортепиано. На уроки и по делам она ездила на велосипеде — высоком дамском велосипеде с корзиной, привязанной спереди. Жила мисс Прайс в небольшом аккуратном домике, в переулке за садом тетки Беатрисы. Ребята знали ее в лицо и неизменно говорили ей «Доброе утро». Мисс Прайс была настоящая леди, и это признавал весь Бедфордшир.

Однажды ребята встали пораньше, чтобы до завтрака набрать грибов. Утро только-только занималось, и ночь еще не торопилась улететь из сонного дома. На цыпочках, в одних носках, они прошли через холл.

В саду было очень тихо, на седой от росы траве оставались черные кляксы от их ботинок. Ребята переговаривались шепотом, им казалось, что весь мир, кроме разве что птиц, еще спит. Вдруг Пол остановился, всматриваясь в дальний конец лужайки, туда, где темнели кедры.

— Что это?

Остальные тоже остановились.

— Оно шевелится, — сообщил им Пол. — Идемте, посмотрим.

Кэри, которая обогнала братьев, обернулась и замедлила шаг.

— Ой, — голос ее дрогнул от удивления, — это же мисс Прайс!

Да, это была мисс Прайс. Она сидела на мокрой траве под кедром. Ее элегантный серый костюм был помят, прическа растрепалась...

— Ой, бедная мисс Прайс! — воскликнула Кэри, подбегая к ней. — Что случилось? Вы не ушиблись?

Мисс Прайс испуганно оглянулась и отвела глаза.

— Щиколотка, — пробормотала она.

Кэри опустилась на колени во влажную траву. И правда, щиколотка мисс Прайс заметно распухла.

— Ой, бедная мисс Прайс, — повторила Кэри, и глаза ее наполнились слезами. — Это, должно быть, ужасно больно.

— Так и есть, — подтвердила мисс Прайс.

— Беги домой, Чарльз, — приказала Кэри. — Нужно позвонить доктору.

Почему-то мисс Прайс испугалась.

— Нет, нет, — поспешно сказала она, хватая Кэри за локоть. — Только не это; помогите мне добраться до дома, больше ничего не надо.

По правде говоря, ребятам и в голову не пришло поинтересоваться, как оказалась мисс Прайс в такую рань в саду их тетки.

— Помогите мне добраться до дома, — повторила мисс Прайс. — Одной рукой я обопрусь на твое плечо, — она взглянула на Кэри, — а другой на его. Так, может быть, и дохромаю.

Пол серьезно посмотрел на Кэри и Чарльза, вздохнул и поднял с земли метлу.

— А я понесу вот это, — вежливо сказал он.

— Это еще зачем? — резко сказала Кэри. — Оставь ее у дерева.

— Это метла мисс Прайс.

— Как это — метла мисс Прайс? Обычная садовая метла.

— Это не наша метла, — возмутился Пол. — Это метла мисс Прайс. С нее-то она и упала... Метла, на которой она ездит.

Кэри и Чарльз выпрямились и уставились на Пола.

— Еадит?

— Да. Правда, мисс Прайс?

Мисс Прайс побледнела еще больше. Она переводила взгляд с одного удивленного лица на другое, безмолвно открывая и закрывая рот.

— У Вас уже здорово это получается, да, мисс Прайс? — ободряюще продолжал Пол. — Сначала было не очень...

И тогда мисс Прайс расплакалась, вытатила носовой платок и прижала к лицу.

— О господи, — всхлипнула она, — теперь все узнают!

Кэри обняла ее. Так всегда поступают с людьми, которые плачут.

— Все в порядке, мисс Прайс. Никто не узнает. Совсем никто. Пол даже нам ничего не сказал. Честное слово... А как, должно быть, замечательно летать на метле!

— Это очень трудно, — сказала мисс Прайс и высморкалась.

Ребята помогли ей встать. Кэри разбирало любопытство, но она удержалась от вопросов.

Медленно, с трудом, двинулись они через сад и дальше по тропинке, которая вела к дому мисс Прайс.

Первые солнечные лучи тускло светили сквозь живые изгороди и окрашивали дорожную пыль в бледно-золотистый цвет. Кэри и Чарльз осторожно поддерживали мисс Прайс, похожую сейчас не столько на леди, сколько на большую серую птицу со сломанным крылом.

Пол шел сзади — с метлой.

СЕКРЕТ МИСС ПРАЙС

10

По дороге домой Кэри и Чарльз взяли за Пола.

— Пол, ты почему нам не сказал, что видел ее на метле?

— Не знаю.

— Пол, так нечестно. Думаешь, нам неинтересно посмотреть?

Пол не ответил.

— Когда ты ее видел?

— Ночью.

Пол насупился, чуть не плача. Мисс Прайс всегда пролетала так быстро. Она скрылась бы из виду раньше, чем он успел бы кого-нибудь позвать, и они бы, конечно, сказали: «Не валяй дурака, Пол». И вообще, это был его собственный секрет. Кровать Пола стояла у окна, и часто по ночам его будил лунный свет. Мисс Прайс пролетала не каждую ночь. Она сидела на метле боком, как амазонка, и ее ноги в высоких ботинках выглядели так странно на фоне

залитого лунным сиянием неба. Одной рукой мисс Прайс вцеплялась в метлу, а другой пыталась придержать шляпку. Неудивительно, что ей стоило такого труда сохранять равновесие. И все же каждый раз она летала немного лучше. Пол втайне гордился ее успехами. Он даже надеялся, что со временем она начнет выполнять на метле фигуры высшего пилотажа. И ему не хотелось, чтобы кто-нибудь еще видел мисс Прайс, пока она не научится летать как следует.

— Думаешь только о себе, — ворчала Кэри. — А теперь вот мисс Прайс растянула ногу и не будет летать целую вечность. Может, нам с Чарльзом уже никогда не придется на нее посмотреть!

Чуть позже, когда ребята торжественно сидели за завтраком в высокой темной столовой, тетка Беатриса напугала их, сказав неожиданно:

— Бедная мисс Прайс!

Ребята разом подняли глаза от тарелок, словно она прочла их тайные мысли, и вздохнули с облегчением, когда она спокойно продолжила:

— Кажется, она упала со своего велосипеда и растянула щиколотку. Бедняжка, это так болезненно. Надо послать ей немного персиков.

Пол замер, не успев донести ложку до рта, и переводил взгляд с Чарльза на Кэри.

Кэри откашлялась.

— Тетя Беатриса, — сказала она, — можно, мы отнесем персики мисс Прайс?

...Когда ребята постучали в чистенькую парадную дверь мисс Прайс, было около четырех часов дня. По обеим сторонам садовой дорожки росли цветы. Легкий ветерок, залетая в полуоткрытое окно гостиной, раздувал полосатые занавески. Дверь открыла Аг-

несса, деревенская девчонка, помогавшая мисс Прайс по хозяйству.

Войдя в маленькую гостиную, ребята в первую минуту оробели. Мисс Прайс, как всегда безукоризненно одетая и причесанная, лежала на софе. Ее забинтованная нога покоилась на подушке.

— Какие чудесные персики! Спасибо, мои дорогие, и поблагодарите вашу тетушку. Очень мило с ее стороны. Присаживайтесь, присаживайтесь.

Ребята осторожно сели на маленькие вертящиеся стулья.

— Агнесса приготовит нам чай. Вы непременно должны остаться и составить мне компанию. Кэри, ты не могла бы разложить этот карточный столик?

А потом был чай с пшеничными лепешками, айвовым джемом и имбирным пирогом. После чая ребята помогли Агнессе убрать посуду; мисс Прайс научила Кэри и Чарльза играть в шашки, а Полу подарила большую книгу с картинками под названием «Потерянный рай»*. Настало время уходить. И тут, наконец, Кэри собралась с духом.

— Мисс Прайс, — взволнованно сказала она, — вы не обидитесь, если я задам вам один вопрос? Вы — ведьма?

Мисс Прайс очень тщательно сложила шашечную доску и положила на маленький столик рядом с софой. Потом медленно-медленно развернула свое вязание.

— Как тебе сказать, — ответила она, — и да, и нет. Пол оторвался от своей книги.

* «Потерянный рай» — поэма, написанная в VII веке (1667 г.) английским поэтом Джоном Мильтоном. (Здесь и далее примечания переводчика.)

— Это значит серединка на половинку? — уточнил он.

Мисс Прайс коротко на него взглянула.

— Это значит, Пол, — спокойно отозвалась она, — что я учусь колдовать. — И, поджав губы, провязала несколько петель.

— Ой, мисс Прайс, — горячо воскликнула Кэри, — до чего же вы умная!

Ничего лучше нельзя было придумать. Мисс Прайс слегка покраснела, но вид у нее был очень довольный.

— А когда вы решили учиться колдовать?

— Ну, этот талант у меня с детства, только некогда было заниматься им всерьез: слишком много времени отнимали уроки музыки и уход за матерью.

Пол глядел на мисс Прайс во все глаза.

— Не думаю, чтобы вы были злой ведьмой, — заметил он наконец.

Мисс Прайс сразу погрузилась.

— Да, Пол, — согласилась она. — Ты абсолютно прав. Я слишком поздно начинаю, вот в чем беда.

— А разве самое трудное в этом деле — быть злой? — удивилась Кэри.

— Для меня — да, — уныло сообщила ей мисс Прайс. — Но есть люди, щедро одаренные злостью от природы.

— Пол, например, — сказала Кэри.

Пол подошел ближе и уселся в кресло, не сводя глаз с мисс Прайс.

— А вы не могли бы немножко для нас поколдовать?

— Ну Пол! — воскликнула Кэри. — Что за просьбы! Не может же мисс Прайс колдовать с растянутой щиколоткой.

— Нет, может! — горячо возразил Пол. — Она даже лежа может это делать, правда, мисс Прайс?

— Знаешь, Пол, — сказала мисс Прайс, — я немного устала. Я поколдую совсем чуть-чуть, а потом вы пойдете домой... Готово!

Кэри и Чарльз быстро оглянулись, следуя за направлением ее взгляда. Кресло Пола было пустым. Пол исчез — а там, где он только что сидел, клубился легкий желтый дымок.

Но ребята и ахнуть не успели, как Пол появился снова, все так же выжидательно глядя на мисс Прайс.

— Ух ты! — закричала Кэри. — Вот здорово! Как это вам удалось? Подумать только — настоящее колдовство!

— А я ничего не видел, — пожаловался Пол.

Кэри нетерпеливо взглянула на него.

— Не валяй дурака, Пол. Ты превратился в дым. Ты должен был это почувствовать.

У Пола задрожали губы.

— Ничего я не чувствовал, — сказал он плачущим голосом.

Но его никто не слушал. Кэри смотрела на мисс Прайс сияющими глазами.

— Мисс Прайс, — вдруг сказала она с легким укором, — а ведь вы могли бы показывать это на благотворительном концерте. Вместо пения.

Мисс Прайс опустила вязание. Зловещая тень набежала на ее лицо, и она посмотрела на Кэри тяжелым взглядом, словно видела ее впервые. Кэри нервно вжалась в кресло.

— Хотя вы так мило поете, — быстро прибавила она.

Но мисс Прайс, казалось, ее не слышала. В ее глазах зажегся дикий огонь, губы едва заметно шевелились.

— Должен быть какой-то способ, — медленно говорила она. — Должен... быть... какой-то... способ...

— Для чего? — спросил Чарльз после очень неуютной паузы.

Мисс Прайс улыбнулась, продемонстрировав длинные желтые зубы.

— Чтобы заставить вас замолчать! — выкрикнула она.

Кэри была шокирована. Поведение мисс Прайс не имело ничего общего с манерами настоящей леди.

— Ой, мисс Прайс, — жалобно воскликнула она.

— Чтобы заставить вас замолчать, — повторила мисс Прайс, улыбаясь еще более неприятно.

Пол заерзал в кресле.

— Вот теперь она становится злой, — шепнул он Кэри с довольным видом.

Кэри отодвинулась от него, сделав вид, что не слышит. Она забеспокоилась.

— Что вы имеете в виду, мисс Прайс? Что мы никому не должны говорить, что вы... — она колебалась.

— Что вы ведьма? — закончил Пол.

Но мисс Прайс все продолжала смотреть невидящим взглядом.

— Сию секунду я что-нибудь вспомню, — проормотала она, будто про себя. — Сию секунду...

И тогда Кэри совершила поступок, который Чарльз впоследствии назвал очень храбрым. Она встала с кресла и опустилась рядом с мисс Прайс на софу.

— Послушайте, мисс Прайс, — сказала она. — Мы ведь старались вам помочь, когда вы ушибли щиколотку. Если вы не хотите, чтобы мы о вас рассказы-

вали, совсем необязательно нас заколдовывать. Можно ведь придумать что-нибудь и получше.

Мисс Прайс посмотрела на нее.

— Что это, интересно, я могу придумать? — спросила она, но уже более приемлемым тоном.

— Ну, — сказала Кэри, — вы можете дать нам какую-нибудь волшебную вещь, а если мы кому-нибудь о вас расскажем, она сразу потеряет свою волшебную силу. Знаете, как в сказке.

— Что, например?

Похоже, идея заинтересовала мисс Прайс.

Чарльз подался вперед.

— Да, — подхватил он, — хотя бы кольцо; мы бы его повернули — и явился бы раб. А если мы о вас расскажем, раб больше не появится. Вы можете так сделать?

— Это сложно.

Мисс Прайс задумалась.

— Ну хорошо, — сказала она через некоторое время, неожиданно снова став приветливой и милой. — Я давно уже хотела попробовать. Но предупреждаю: у меня может и не получиться. У кого-нибудь есть с собой кольцо?

Увы, кольца ни у кого не было. Пол пошарил в карманах, просто на всякий случай, но ничего не нашел, кроме медной шишечки, которую утром отвинтил от своей кровати.

— Ну, что-нибудь еще. Браслет подойдет. Это должно быть то, что можно поворачивать.

Но у Кэри, к сожалению, не оказалось и браслета.

— У меня дома есть один, — оправдывалась она, — но я ношу его только по воскресеньям.

— А вот! — вдруг закричал Пол, вытаскивая шишечку. — Это как раз то, что можно поворачи-

вать. Она только и делает, что поворачивается, и поворачивается, и поворачивается... Вот я ее и от-вернул, — прибавил он.

Мисс Прайс взяла шишечку и подержала ее в своих чистых, тонких пальцах.

— Посмотрим, — медленно произнесла она. И вдруг удивленно подняла глаза. — Пол, это же на редкость удачный вариант! Есть одно замечательное заклинание, надо только все тщательно продумать... А теперь тихо, дети.

И пальцы мисс Прайс мягко сомкнулись вокруг блестящей меди.

Ребята замерли. Даже Пол перестал ерзать. В окно влетел шмель и тяжело гудел, кружа по комнате. Если не считать этого, тишина была полной.

Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем мисс Прайс открыла глаза и выпрямилась, щурясь и улыбаясь.

— Готово, Пол, — весело сказала она, и тот благоговейно принял из ее рук шишечку.*

Кэри и Чарльз с завистью взглянули на Пола.

— А что нужно с этим делать? — спросил Чарльз.

* Эта история была написана в то время (взрослые подтвердят), когда люди спали не на раскладных диванах, не на софе с поролоновыми подушками, а на железных кроватях с высокими решетчатыми спинками и пружинной сеткой, поверх которой клали матрас. При желании на такой сетке можно было подпрыгивать, как на батуте. Длинные ножки кроватей выступали над прутьями спинки, и сверху на них навинчивали блестящие металлические шарики, или шишечки вроде той, которую отвинтил Пол.

— Просто возьмите домой и снова привинтите на кровать. Но не туго, а лишь до половины.

— А потом?

— Потом? — Мисс Прайс улыбнулась. — Поверните ее чуть-чуть, загадайте желание — и кровать перенесет вас туда, куда вам захочется.

— В самом деле? — недоверчиво спросила Кэри.

— А вы попробуйте.

Мисс Прайс все еще улыбалась. Она явно была очень собой довольна.

— Ой, мисс Прайс, — выдохнула Кэри, не сводя глаз с шишечки, слабо мерцавшей в перепачканных пальцах Пола. — Спасибо вам.

— Не надо меня благодарить, — сказала мисс Прайс, снова принимаясь за вязание. — Помните условие. Одно только слово обо мне — и чары исчезнут. А теперь ступайте. Становится поздно. И не стоит гонять кровать ночь напролет. Все хорошо в меру — даже в колдовстве.

НИЧЕГО НЕ ВЫШЛО

На следующее утро, часов в десять, ребята уже стояли у парадной двери мисс Прайс — все трое с озабоченными лицами.

— Могу я... — обратилась Кэри к Агнесе, — можно нам поговорить с мисс Прайс? — И она нервно вздохнула.

— Мисс Прайс сейчас занята, — ответила Агнеса. — Что-нибудь передать?

Кэри в нерешительности оглянулась на братьев. Знает ли Агнеса? Чарльз выступил вперед.

— Не могли бы Вы просто сказать ей, что ничего не вышло.

— Ничего не вышло, — проговорила Агнеса, как бы запоминая послание, и скрылась в доме, оставив дверь нараспашку.

Через минуту она вернулась.

— Мисс Прайс сказала, чтобы вы вошли.

Ребята снова оказались в маленькой гостиной.

— Спорим, она рассердится, — прошептал Пол, нарушая молчание.

— Ш-ш, — отозвалась Кэри.

Она волновалась.

Прихрамывая, вошла мисс Прайс. Хотя нога у нее была забинтована и обута в суконовый тапок, она уже могла передвигаться без посторонней помощи. Мисс Прайс обвела взглядом всех троих.

— Ничего не вышло? — медленно произнесла она.

— Нет, — ответила Кэри, зажав руки между коленями.

Мисс Прайс присела на софу, и все молча поглядели друг на друга.

— Вы уверены, что все сделали правильно?

— Да, все как Вы сказали. Мы привинтили ее наполовину. Потом немножко повернули и загадали желание.

Мисс Прайс вытащила из пакета золотистый шарик и уставилась на него в замешательстве.

— И что, кровать совсем не двигалась?

— Только когда Пол на ней подпрыгивал.

Пол не сводил с мисс Прайс внимательного укоризненного взгляда.

— Тут внизу ржавчина, — сказала мисс Прайс.

— Она всегда была такой, — заверила Кэри.

— Ну, не знаю, — Мисс Прайс поднялась с софы, осторожно ставя больную ногу. — Пойду проверю.

Она сделала движение по направлению к двери.

— А нам можно посмотреть?

Мисс Прайс медленно обернулась.

— Никто еще не видел моего кабинета. Даже Агнесса.

Однако было заметно, что мисс Прайс колеблется. Кэри чуть не выпалила: «Но мы же посвящены в тайну!» — но удержалась. Умоляющие глаза ребят сказали все.

— Ну хорошо, — сдалась мисс Прайс, — я только отправлю Агнессу в бакалейную лавку.

И вышла. Прошла, казалось, целая вечность. Наконец она их позвала. Ребята выбежали в прихожую и увидели, что мисс Прайс надевает белый комбинезон. Они спустились на две или три ступеньки в темный коридор. Повернулся ключ в хорошо смазанном замке.

Мисс Прайс вошла первой и стала в стороне.

— Спокойней, — сказала она, кивком приглашая их войти. — И ничего не трогайте.

Когда-то, наверное, кабинет мисс Прайс — с мраморными столами вдоль стен и деревянными полками над ними — был кладовой. На полках рядами стояли стеклянные банки, каждая с этикеткой, отпечатанной на машинке. Щеки мисс Прайс порозовели от гордости, когда она обвела их рукой.

— Жабы, кроличьи лапки, крылья летучей мыши... О Боже! — Она сняла пустую банку, ко дну которой прилипло несколько влажных шариков. — Кончились глаза тритона!

Мисс Прайс заглянула в банку, прежде чем поставить ее обратно на полку, и сделала карандашом пометку в блокноте.

— Сейчас их почти невозможно достать, — вздохнула она. — Но не будем жаловаться. Вот мои записные книжки...

Кэри склонилась над аккуратно надписанными пухлыми тетрадями.

— Заклятья... заклинания... магические формулы, — вслух читала она.

— Полагаю, — весело сказала мисс Прайс, — никто из вас не знает разницы между заклятьем и заклинанием.

— Я думал, это одно и то же, — сказал Чарльз.

— Так-так, — загадочно отозвалась мисс Прайс. — Хотела бы я, чтобы заклятья были такими же легкими, как заклинания.

Она приподняла клочок промасленной марли, и ребята, затаив дыхание, взглянули на то, что казалось куском зеленоватого мяса. Он лежал на блестящем фарфоровом блюде и источал слабый запах каких-то химических препаратов.

— Это что? — спросила Кэри.

Мисс Прайс с сомнением взидала на блюдо.

— Отравленная печень дракона, — ответила она как-то не очень уверенно.

— Надо же, — вежливо заметила Кэри.

Пол придвинулся ближе.

— Вы отравили дракона, мисс Прайс? Или только печень?

— Видишь ли, — призналась мисс Прайс, — на самом деле, она прибыла уже в готовом виде. Это просто часть снаряжения.

— Все так гигиенично... — робко сказала Кэри.

— Моя дорогая Кэри, — назидательно изрекла мисс Прайс, — мы все-таки продвинулись вперед от Средних веков. «Четкая система и меры профилактики в корне изменили современное колдовство».

Кэри догадалась, что мисс Прайс цитирует книгу, и ей ужасно захотелось узнать побольше.

— А можно мне хоть одним глазком заглянуть в «Занятие Первое»? — спросила она.

Мисс Прайс кинула взгляд на стопку папок на верхней полке и покачала головой.

— Извини, Кэри, но этот курс — абсолютно секретный. «Любое нарушение инструкции, — процитировала она, — влечет за собой штраф в размере не менее двухсот фунтов и обрекает нарушителя на хронические, непрерывно повторяющиеся приступы Космической Лихорадки».

— Дешевле плюнуть в автобусе, — объявил Пол, поразмыслив над ее словами.

Ребята разглядывали кабинет мисс Прайс. Он был полон совершенно восхитительных вещей: очень красивая таблица со знаками Зодиака, которую мисс Прайс нарисовала акварелью, овечий череп, коробочка из-под шоколада, полная сушеных мышей, пучки каких-то трав, горшок с растущим в нем болиголовом и еще один, с «ведьминой отравой», небольшое чучело аллигатора, подвешенное к потолку на проволоке...

— А для чего используют аллигаторов, мисс Прайс? — поинтересовался Пол.

— Ни для чего особенного, — честно ответила мисс Прайс. — Они уже устарели. Мне просто хотелось посмотреть, как он выглядит.

— Выглядит он хорошо, — согласился Пол не без зависти и прибавил: — А у меня однажды была дохлая курица...

Но мисс Прайс его не слышала.

Она укладывала на полке три ореховых прутика в форме треугольника. В самом центре она поместила медную шишечку.

— А теперь передай мне ту красную записную книжку, Кэри, она у тебя под рукой.

— Помеченную «Заклятья простые»?

— Нет, милочка, помеченную «Заклятья усложненного типа, разные». Ну, Кэри! — воскликнула

мисс Прайс, когда та передала ей тетрадь. — Разве ты не умеешь читать? Это же «Шесть несложных проклятий для начинающих»...

— Ой, простите, — поспешно сказала Кэри и посмотрела еще раз. — Вот она, кажется.

Мисс Прайс взяла тетрадь, надела очки и некоторое время вглядывалась в раскрытую страницу. Потом начертила карандашом несколько непонятных фигур на бумаге, с недоумением на них посмотрела и стерла.

— Мисс Прайс... — начал Пол.

— Не мешай, — сказала мисс Прайс. — Элебор, белена, аконит... огонь светлячков и желтовато-красная молния... Лучше опустить черные шторы, Кэри.

— Черные шторы, мисс Прайс?

— Да, над окном. Иначе мы не сможем наблюдать за экспериментом.

Как только в комнате стало темно, мисс Прайс воскликнула:

— Какая прелесть!

В ее голосе слышались удивление и восхищение.

Ребята окружили ее и увидели, что шишечка светится мягким бледным светом, какой бывает, когда начинает восходить солнце. Мисс Прайс чуть повернула шишечку, и свет стал розовым.

— Вот видите! — торжественно объявила мисс Прайс. — Что тут неправильно, хотела бы я знать? Можно поднять шторы, Кэри.

Она аккуратно убрала ореховые прутики и записные книжки.

— Идемте. — Мисс Прайс открыла дверь. — Заклинание работает правильно. Даже лучше, чем я предполагала. Не представляю, где вы могли ошибиться.

Ребята поднялись по ступенькам и вслед за нею вышли в сад. Воздух был сладким от запаха прогретой солнцем земли. Бабочки покачивали раскрытыми крылышками, примостившись на шипах лаванды, в чашечках наперстянки висели шмели. У калитки стояла повозка молочника, слышалось бренчанье бидонов.

— Огромное Вам спасибо, — сказала Кэри. — Мы еще раз попробуем сегодня вечером. Хотя я и в первый раз сделала все, как Вы сказали. Я не стала привинчивать ее плотно. Я...

— Ты? — переспросила мисс Прайс. — Ты это делала, Кэри?

— Да. Я все делала сама. Очень осторожно. Я...

— Но, Кэри, — сказала мисс Прайс, — заклинание было рассчитано на Пола.

— Вы хотите сказать, Пол должен был?..

— Конечно. Поворачивать шишечку должен Пол. Неудивительно, что ничего не вышло.

Лицо Пола расплылось в восторженной улыбке. Он еще не успел до конца поверить в свое счастье, но, судя по влажному блеску глаз, радость его готова была вот-вот вылиться в буйное веселье. Кэри и Чарльз устали на Пола так, будто видели в первый раз.

— Что такое? — резко спросила мисс Прайс.

Чарльз, наконец, обрел голос.

— Он слишком молод для такой ответственности. Но мисс Прайс проявила твердость.

— Чем моложе, тем лучше, насколько я могу судить по собственному горькому опыту. А теперь бегите.

Она, было, отвернулась, но повернулась к ним снова и, понизив голос, сказала:

— Да, между прочим, я должна сообщить вам кое-что еще. Помните, я говорила, что заклинание

оказалось лучше, чем я думала. Так вот, если вы повернете шишечку в одну сторону, кровать доставит вас, куда пожелаете, в настоящем. А если в другую — кровать перенесет вас в прошлое.

— Ой, мисс Прайс! — воскликнула Кэри.

— А как насчет будущего? — спросил Чарльз.

Мисс Прайс посмотрела на него так, как посмотрел бы кондуктор в автобусе, если бы у него попросили билет до остановки, которой нет в маршруте. Чарльз покраснел и принялся ковырять гравий на дорожке носком ботинка.

— И запомните, что я сказала, — продолжала мисс Прайс. — Развлекайтесь, соблюдайте правила и не упускайте из виду кровать.

Она повернулась к молочнику, который терпеливо ждал рядом:

— Пожалуйста, полпинты, мистер Бисселтуэйт, и мое масло.

ГАЛОПОМ НА КРОВАТИ

— Учти, Пол, — наставляла Кэри, пока тот чистил зубы перед сном, — если ты улетишь на кровати один и что-нибудь будет не так, никто тебя не спасет. Так что лежи тихо и жди, пока мы с Чарльзом пойдем спать, понял?

Пол взглянул на нее, засунув за щеку зубную щетку. С того момента, как он, вернувшись от мисс Прайс, привинтил шишечку, Кэри и Чарльз не упускали его из виду ни на минуту. В конце концов, это была его кровать, не говоря уже о шишечке. Могли бы отпустить его слетать, скажем, до середины сада и обратно. Он не собирался далеко, просто ему хотелось посмотреть, полетит ли она вообще.

— Ты только представь, Пол, — не унималась Кэри, — приходит Элизабет с твоим ужином, а кровать улетела. Что тогда? Это будет все равно что предательство, ведь мы же обещали мисс Прайс. Мы

должны проявлять осторожность. Ты понял, Пола? Иди сюда, я расчесу тебе волосы, пока они влажные.

Кэри и Чарльз проводили Пола в спальню. Втроем они сели на кровать и одновременно посмотрели на шишечку, как раз над правым ухом Пола; она была точь-в-точь такой же, как и три других.

— Спорим, ничего не выйдет, — сказал Чарльз, — на что угодно спорим.

— Ш-ш, — отозвалась Кэри, потому что вошла Элизабет с их ужином на подносе.

— Смотрите, не пролейте на одеяло, — тяжело дыша, сказала она. — И пожалуйста, мисс Кэри, отнесите поднос вниз, сегодня у меня свободный вечер.

— Свободный вечер? — повторила Кэри, и губы ее сами собой стали складываться в улыбку.

— По-моему, в этом нет ничего смешного, — кисло заметила Элизабет. — Я это заслужила. И пожалуйста, без фокусов, ваша тетя легла спать.

— Легла спать? — снова, как эхо, откликнулась Кэри.

Ей вовремя удалось сдержать улыбку. Элизабет посмотрела на нее с подозрением.

— Пожалуйста, без фокусов, — повторила она. — Этим детям все смешно.

Ребята слышали, как она вздыхает на лестничной площадке. Слышали, как она повернула за угол. А потом скинули тапки и пустились в пляс. На цыпочках, сдерживая дыхание, они вертелись, кружились и скакали и, наконец, запыхавшись, повалились на кровать Пола.

— Куда поедем? — прошептала Кэри с сияющими глазами.

— Давай на остров в южном море, — предложил Чарльз.

Пол откусил большой кусок хлеба и невозмутимо жевал.

— Скалистые горы, — продолжала Кэри.

— Южный полюс, — перебил Чарльз.

— Пирамиды.

— Тибет.

— На Луну.

— А ты куда хочешь, Пол? — неожиданно спросила Кэри.

Счастье сделало ее великодушной.

Пол дожевывал остаток бутерброда.

— Хочу в Лондон, в Музей естественной истории.

Он вспомнил, как Кэри и Чарльз ходили туда с дядей без него, пока он болел.

— Ну, Пол! — сказала Кэри. — Придумай что-нибудь еще. Ты можешь загадать первым, раз это твоя кровать, но только что-нибудь хорошее.

— Хочу в Лондон, — повторил Пол.

— Ну ты же можешь туда поехать и так, почти в любое время, — напомнил ему Чарльз.

— Все равно я хочу в Лондон к своей маме.

— Не говори так, она и наша мама тоже.

— Я хочу к ней, — просто сказал Пол.

— Ну да, мы тоже хотим, — согласилась Кэри. — Только она немного удивится.

— Я хочу к маме.

Губы Пола задрожали, глаза наполнились слезами.

Кэри забеспокоилась.

— Пол, когда в твоём распоряжении Магия, нужно загадывать желания совсем необычные, а не типа:

повидать маму, сходить в музей... Понимаешь? Давай еще раз.

По щекам Пола покатались слезы.

— Я хочу к маме... Или в Музей естественной истории.

Он сжал губы, стараясь громко не всхлипывать.

— О Господи! — вздохнула Кэри и уставилась на свои ботинки.

— Пусть загадает первым, — сказал Чарльз. — Мы можем потом еще куда-нибудь слетать.

— Ну как вы не понимаете... — начала Кэри. — А, ладно. Давайте. Забирайся на кровать, Чарльз.

Ее охватило волнение.

— Давайте держаться за спинки. Этот конец оде-
яла лучше подоткнуть. Теперь, Пол, берись за ши-
шечку — только осторожно. Подожди, я тебе вытру
нос. Ну, ты готов?

Пол встал на колени лицом к изголовью и стене и положил руку на шишечку.

— Что я должен сказать?

— Назови мамин адрес. Скажи: «Хочу попасть на Маркэм-сквер, 38» и поверни.

Пол откашлялся.

— Хочу попасть... — Голос его был хриплым.

— ...на Маркэм-сквер, — подсказала Кэри.

— На Маркэм-сквер.

— № 38.

— № 38.

Ничего не случилось. Они пережили ужасный миг тревожного ожидания, потом Кэри быстро прибавила:

— Южный Уэльс, 3.

— Южный Уэльс, 3, — повторил Пол.

...Это был кошмар. Стремительная гонка, превратившая мир вокруг в ускоренное кино. Путаница, в которой мелькали то поля, то деревья, то улицы, то дома, но ничего нельзя было толком разглядеть. Кровать качало. Ребята вцепились в прутья спинки. Одежда и простыни завернулись вокруг Кэри и Чарльза, мешая смотреть и дышать. Настоящая морская качка. Потом сильный удар... толчок... лязг... и кровать со скрежетом остановилась. Чарльз и Кэри кое-как выпутались из одеял. Они были совершенно потрясены и задыхались. Пол все еще стоял коленями на подушке. Лицо его побагровело, волосы поднялись дыбом.

— Ну и ну, — проговорил Чарльз и огляделся.

Они действительно были на Маркэм-сквер. Кровать аккуратно приземлилась на тротуар, слегка захав на обочину. Это и в самом деле был дом № 38, с его черной парадной дверью, ступеньками, выложенными разноцветной плиткой, и подвальной решеткой. Чарльз оказался у всех на виду. Кровать была слишком кроватью, а улица — слишком улицей, и Пол шел по тротуару босиком, намереваясь позвонить в дверь. Пол, лохматый, в пижаме — перед маминой парадной дверью!

Чарльз молил Бога, чтобы дверь открылась быстро. Он был очень застенчив по натуре.

В конце площади проехал красный автобус, и на время она опустела.

— Позвони еще! — с жаром закричал Чарльз.

Пол позвонил еще раз.

Звонок отозвался эхом в подвале — вежливый, извиняющийся, пустой звук. Темные окна смотрели на ребят безучастно.

— Дома никого нет, — сказала Кэри, разминая ноги. — Мама, наверное, ушла в гости. Ладно, бу-

дем ждать. Давайте пока приведем в порядок кровать.

Пока они прибирали постель, расстилая одеяла, расправляя простыни, взбивая подушки, Чарльз поражался беззаботности Кэри и Пола. Как они не понимают, что неприлично застилалась кровать на лондонской улице! Он с надеждой посмотрел на ступеньки в подвал.

— Может, попробуем с черного хода? — предложил Чарльз. — Все что угодно, только бы подальше от кровати и ниже уровня тротуара.

Ребята спустились по подвальным ступенькам. Но сколько они ни трясали и ни толкали дверь, ничего не вышло. Они заглянули в кухонное окно: на тщательно прибранной кухне стояла мертвая тишина. Окно на задвижке. Даже если его разбить, ничего хорошего не выйдет: оно забрано решеткой от воров.

— Остается сидеть на кровати и ждать, — вздохнула Кэри.

— Только не на кровати, — поспешно сказал Чарльз. — Давайте останемся тут. Тут нас никто не заметит.

Они все вместе втиснулись на холодную нижнюю ступеньку. От мусорного ящика сильно пахло заваркой.

— Тоже мне, приключеньице, — проворчал Чарльз.

— Да уж, — согласилась Кэри. — Это все Пол.

Темнело. Свет проникал к ним сверху, с улицы. В воздухе стоял туман.

Были слышны шаги прохожих. Шаги резко затихали у дома № 38, и ребята, вслушиваясь, понимали, как одинаково думают взрослые. Почти все с глубоким удивлением говорили: «Как странно! Кровать» или «Кровать! Как странно». Только и слы-

шалось: «Кровать... кровать...» и шаги. Один раз, когда шаги стихли, Чарльз громко сказал: «Как странно! Кровать». Было уже почти совсем темно, и на них падала тень от подвальной решетки.

— Какие-то дети, — пробормотал чей-то голос, будто объясняя это другому человеку. Когда проходивший ушел, Чарльз крикнул вслед:

— И кровати!

— Не надо, Чарльз, это же невежливо. Мы так только неприятности наживем.

Стемнело. Темнота смешалась с туманом.

— Туман с реки, — сказал Чарльз. — И если хотите знать мое мнение, мама уехала на все выходные.

Пол уже почти спал, привалившись к плечу Кэри. Неожиданно Кэри осенило.

— Придумала! — воскликнула она. — Давайте заберемся в кровать! Уже темно. Если туман густой, нас никто не увидит.

Ох, до чего хорошо было заползти под стеганое пуховое одеяло! Небо между крутыми черными крышами было сероватым. Звезды исчезли.

— Нет, по-моему, приключения не получилось, — прошептал Чарльз.

— Я знаю, — отозвалась Кэри. — Но ведь это в первый раз. Мы еще научимся.

Между ними посапывал Пол, от которого шло приятное тепло.

Вдруг кровать толкнули. Кэри, должно быть, успела заснуть. Разбуженная, сначала она лежала тихо. Сырая тьма... На ногах тяжесть. Где она? Потом она вспомнила.

— Пожалуйстал! — пискнула Кэри.

Туман сгустился, и она ничего не видела.

Рядом кто-то хрипло дышал.

— Чтоб мне...

— Пожалуйста, — снова попросила Кэри, — встаньте с моей ноги.

Перед глазами у ребят вдруг вспыхнул ослепительный, пугающий диск.

Хриплый голос сказал:

— Чтоб мне провалиться — дети!

Тяжесть сама по себе исчезла, и Кэри с облегчением подтянула ноги, моргая на яркий свет. Внезапно она поняла, что за этим диском света — полицейский, толстый и высокий полицейский, перепоясанный скрипучим ремнем.

Он выключил фонарь.

— Дети?! — удивленно повторил он, но потом по-суровел. — Не положено, — тяжело выдохнул он. — Не положено таким кроватям находиться на улице. Опасно для прохожих. Чуть ногу не сломал об эту вашу кровать. Улица не место для кроватей. Где ваша мама?

— Не знаю, — тихо сказала Кэри.

— Говори громче, — приказал полицейский. — Как тебя зовут?

— Кэри Уилсон.

Опять зажегся фонарь, и появился блокнот. Полицейский снова сел на кровать, но на этот раз Кэри не пострадала.

— Адрес?

Заспанный Чарльз сел в кровати.

— Что случилось?

Кэри неожиданно увидела лицо тетки Беатрисы: поджатые губы, блекло-голубые глаза с розовыми веками. Она подумала о том, как встревожится и огорчится мама. Письма... полиция... жалобы... штраф... тюрьма.

— Знаете что, — сказала Кэри, — мне ужасно жаль, что Вы из-за нас ушибли ногу. Если Вы только чуть-чуть привстанете, мы уберем кровать и не будем Вас больше беспокоить. Совсем уберем. Честно-честно.

— Это же тяжелая железная кровать, — возразил полицейский. — Знаю я такие кровати.

— Мы можем ее убрать, — настаивала Кэри. — Мы ее сюда принесли и мы знаем, как ее убрать.

— А я лично не вижу, как можно убрать эту кровать куда бы то ни было, в таком-то тумане...

— Если Вы встанете на минутку, мы покажем, — сказала Кэри.

— Не спешите, мисс. — Полицейский вспомнил о своих обязанностях. — В данный момент я вставать не собираюсь. Откуда вы притащили эту кровать?

Кэри колебалась. Ну и попали они в переделку! Она снова подумала о тетке Беатрисе. И о мисс Прайс — ох, мисс Прайс — это было самое страшное. Рассказать о ней — и конец всему, хотя и вранье еще никому не приносило пользы.

— Понимаете... — начала Кэри, стараясь думать побыстрее.

— Мы принесли ее из моей комнаты, — неожиданно вмешался Пол.

— Та-ак, — произнес полицейский ироническим тоном (чтобы скрыть свое замешательство). — И где же твоя комната?

— За комнатой Кэри, — ответил Пол. — В конце коридора.

Полицейский, который выключил было свой фонарь, включил его снова и посветил прямо в лицо Полу. Раньше Кэри и Чарльз как-то не задумывались о внешности своего младшего брата, но тут они

вдруг поняли, что лицо у него совершенно ангельское. Пара крылышек за спиной и нимб, по которым обычно узнают ангелов на картинках, были словно для него придуманы.

Полицейский выключил фонарь.

— Бедный мальчонка, — пробормотал он, — таскают его по Лондону среди ночи.

Этого Кэри вынести не могла.

— Ничего подобного, — возмутилась она. — Это он виноват. Это все его идея...

— Ну-ну, — перебил полицейский. — Хватит. Что я хочу знать, так это где вы взяли кровать? В какой части Лондона, если быть точным.

— Она вообще не из Лондона, — сказал Чарльз.

— Тогда откуда?! — взорвался полицейский.

— Из Бедфордшира, — ответила Кэри.

Полицейский вскочил. Кэри услышала, как он сердито отдувается в темноте.

— Шуточки?

— Вовсе нет.

— И вы хотите мне сказать, что протащили ее всю дорогу от самого Бедфордшира?

— Ну да, — ответила Кэри.

Полицейский вздохнул. Кэри поняла, что он старается сдержаться.

— На поезде привезли?

— Нет, — сказала Кэри.

— Тогда на чем, позвольте спросить?

— Ну... — Кэри замялась. Она снова подумала о мисс Прайс. — Понимаете, мы не можем Вам сказать.

— Или вы мне рассказываете, как эта кровать попала сюда из Бедфордшира, или идете со мной в полицейский участок.

— Хорошо. — Кэри почувствовала, что слезы жгут ей глаза. — Я скажу. По волшебству, если хотите знать!

Наступило молчание. Угрожающее молчание. Кэри даже испугалась, что полицейский ударит ее своей дубинкой. Но, когда он заговорил, голос его был спокоен.

— Ах, вот как? По волшебству. А теперь послушайте, что я вам скажу. Вы, конечно, знаете о том, что существует закон? Закон может быть добрым, но есть нечто, чем закон быть не может, — он сделал глубокий вдох — закон не может быть посмешищем. А теперь, все трое, вылезайте из-под одеяла. Пойдите со мной в участок!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ УЧАСТОК

38

Ребята не сразу поняли, что уже пришли. Кэри не замечала дороги, погрузившись в глубокое уныние — каждый шаг, отдалявший их от кровати, уменьшал шансы на спасение. Пол величественно восседал на руках у полицейского, безразличный ко всему происходящему. А Чарльз, оказавшийся в Лондоне босиком, считал каждый буторок на мостовой.

И вот — полиция. За длинной стойкой сидел седой полицейский без фуражки. Лампа под зеленым абажуром освещала его суровое, осунувшееся лицо, лицо солдата. Кэри задрожала.

— Ну что там у вас, сержант? — устало спросил седой офицер. — Я думал, на сегодня все.

— Да вот, сэр, дети. Мне показалось, что лучше привести их сюда. На улице были, с кроватью, сэр. Мешали движению, нарушали общественный порядок, ну и все такое.

Инспектор потянулся к вешалке за своей фуражкой.

— Ну, так запишите их имена, адреса, разыщите родителей. — Он замолчал и медленно обернулся. — На улице с чем?

— С кроватью, сэр.

— С кроватью?

— Так точно, сэр, железная такая кровать, с шпешечками.

Инспектор с любопытством взглянул на Кэри. Неожиданно Кэри поняла, что ей нравится его лицо, нравится прищуренный взгляд его глаз и усталые складки у рта. Ей ужасно захотелось, чтобы он не смотрел на нее как на преступницу. Он поглядел на всех троих еще немного, потом обратился к сержанту:

— А где сейчас кровать?

— Там, на улице, сэр. Маркэм-сквер.

— Лучше послать за ней фургон. А детишек передайте миссис Воткинс, пока не найдете родителей. Я устал как собака, сержант. Судебное заседание в 9.30, не забудьте. Мне понадобятся вы и сержант Коулз.

— Слушаю, сэр. Спокойной ночи, сэр.

По дороге к двери инспектор еще раз взглянул на ребят. «Он поговорил бы с нами, если бы не так устал», — подумала Кэри. Ох, если бы их ругали, она бы не так боялась.

Кэри чувствовала, что оказалась во власти чего-то большего, чем какой-то полицейский, чего-то громадного, перед чем сами полицейские испытывали благоговейный страх. Она догадывалась, что это и

есть тот самый «закон» — закон, «который не может быть посмешищем».

Сержант говорил по телефону:

— Да, трое. Нет — только накануне вечером... Нет, он ушел. Устал, говорит, как собака... От чашечки горячего чайку я бы не отказался, если готово... Так точно.

Потом он вытащил блокнот и записал их адрес.

— Это что же получается, — сообразил он, проведя несколько минут в напряженных подсчетах, — вы были возле собственного дома?

— Мамы нет, — поспешно ответила Кэри, надеясь удержать его от звонка.

— Но вы же сказали, что кровать из Бедфордшира?

— Да, — подтвердила Кэри. — Дом заперт.

Полицейский что-то писал. «Прямо возле своего дома, — бубнил он себе под нос. — Это другое дело».

— Ну что же, — сказал он, закрывая блокнот. — Пока что идемте со мной.

Он повел ребят по коридору в совершенно темный внутренний двор.

— Смотрите под ноги, — предупредил он.

Пол взял Кэри за руку.

— Мы идем в тюрьму? — прошептал он.

— Не знаю, — шепотом ответила Кэри. — Думаю, что да.

— Проходите, — сказал сержант.

И ребята в темноте протиснулись мимо него в какую-то дверь. Полицейский включил свет.

— Миссис Воткинс! — позвал он.

Миссис Воткинс, суетливая женщина в красной шерстяной кофте и белом переднике, имела мало общего с тюремной надзирательницей, которую ожидала увидеть Кэри. Гораздо больше она походила на гардеробщицу или нянечку в больнице. И комната, в которую она провела ребят, напоминала скорее больницу. Там стояли кровать, два кресла, стол и аспидистра* в горшке.

Миссис Воткинс уложила Пола в кровать и укрыла одеялом. Потом повернулась к Чарльзу и Кэри и спросила:

— Какао или чай?

— Что Вам проще, — поколебавшись, вежливо ответила Кэри.

— Сержант пьет чай.

— Тогда чай, — робко согласилась Кэри и прибавила: — Большое спасибо.

С минуту миссис Воткинс смотрела на нее.

— Вы потерялись, что ли? — полюбопытствовала она.

Кэри, сидя на краешке кресла, смущенно улыбнулась:

* Не стоит думать, что аспидистра канула в прошлое, подобно кроватям с медными шишечками. Мэри Нортон имела в виду комнатное растение, которое многие наверняка видели, только не знали, что оно так называется. У аспидистры жесткие, темно-зеленые листья, широкие, продолговатые, с острыми кончиками, которые пучком торчат из земли. Сейчас, как и во времена Мэри Нортон, аспидистру особенно любят разводить в различных учреждениях, потому что ее можно поливать не каждый день.

— Не совсем.

— Напроказничали? — спросила миссис Воткинс.

Кэри покраснела. Слезы навернулись ей на глаза.

— Не совсем, — пробормотала она.

— Ну ладно, — ласково сказала миссис Воткинс, — сидите тут тихонько, будьте хорошими детьми, и получите по чашке отличного чая.

— Спасибо, — через силу ответила Кэри.

Когда дверь закрылась за миссис Воткинс, и в замке повернулся ключ, Кэри разрыдалась. Чарльз смотрел на нее с несчастным видом, а Пол, усевшись в постели, с интересом спросил:

— Ты чего плачешь, Кэри?

— Это все ужасно, — всхлипывала Кэри.

Она прижимала к глазам носовой платок, но слезы никак не хотели останавливаться.

— Не думаю, — заметил Пол. — Мне нравится эта тюрьма.

Чарльз метнул в него свирепый взгляд.

— Еще бы, дома бы тебе в это время чая не дали.

— И совсем не потому, — неуверенно возразил Пол. — Мне нравятся тюрьмы такого типа.

— Ну, это еще не тюрьма. Это полицейский участок.

— А, — сказал Пол и оглядел комнату, но уже с меньшим энтузиазмом.

Когда ребята выпили чаю и миссис Воткинс снова оставила их одних, Кэри принялась отчитывать Пола:

— Я тебе говорила, что ты придумал глупое желание. Я тебя предупреждала. А теперь мы оста-

лись без кровати. Полицейский позвонит маме. Мама будет страшно переживать. Тетка Беатриса узнает. Нас заставят все объяснить. Мисс Прайс попадет в беду. Мы нарушим наше обещание. Волшебство кончится. И никто больше не захочет нам верить...

Пол был серьезен.

— Теперь ты видишь, Пол? — Голос Кэри звучал так, словно она опять собиралась расплакаться. — А попадет нам с Чарльзом. Скажут, что это мы тебя втянули. Понимаешь?

Пол заметно посветлел лицом:

— Да.

В это время во двор въехала машина. Скрипнули тормоза, раздались чьи-то голоса.

— Еще кого-то привезли! — взволнованно воскликнул Пол.

Чарльз подошел к окну, но не решился тронуть шторы.

— Нас заметят...

— Я знаю, что надо делать! — сказала Кэри. — Выключай свет.

Чарльз повернул выключатель у двери и только тогда, в темноте, отогнул угол шторы. Она неожиданно с грохотом поднялась.

В комнату полился розоватый свет, слабый, но яркий.

— Светает, — удивился Чарльз. — Утро. Туман исчез. Нас не было всю ночь.

Он посмотрел вниз, во двор.

— Слушай, Кэри...

— Что?

— Никого они не привезли. Это... Кэри, это же кровать!

Кэри вскочила с кресла, а Пол отшвырнул одеяло. Они кинулись к окну. Двое полицейских выгружали из фургона кровать. Они подтащили кровать к стене, постояли, глядя на нее и растирая руки, и засмеялись.

— Я и сам бы вздремнул, — сказал один.

Двор затих.

— Если бы только до нее добраться, — вздохнул Чарльз.

— Если бы... — откликнулась Кэри.

ЧУДЕСА В ПОЛИЦИИ

Сержант и инспектор смотрели друг на друга через инспекторский стол. Инспектор сидел. Сержант стоял. Лицо его было красным, фуражку он держал в руках.

— ...и это все, что я знаю, сэр, — говорил он.

— Но каким образом они удрали? — спросил инспектор. — Боюсь, я не совсем Вас понимаю, сержант. Прежде всего, как они попали во двор?

— Видите ли, сэр, миссис Воткинс повела их посмотреть на мой садик.

— Посмотреть на ваш садик? — удивленно переспросил инспектор.

— Да, георгины, сэр, в горшках, в конце двора. Миссис Воткинс называет их моим садиком. У меня там еще душистый горошек — отлично всходит, горошек-то...

— Я не знал, сержант, что Вы садовод, — довольно холодно заметил инспектор. — Ну, а потом?

— Миссис Воткинс, сэр... ей очень понравились эти ребяташки. Она подумала, что им еще интересно будет посмотреть на птичку, сэр.

— На птичку?

— Я держу канарейку, сэр. Там, внизу. Я как раз выносил клетку сегодня утром, на солнышко, так сказать.

— У Вас там еще что-нибудь есть, во дворе?

Сержант переступил с ноги на ногу.

— Нет, сэр, только шелкопряды.

Инспектор взглянул в окно, сжав губы так, словно пытался силой удержать их вместе.

— И Вы оставили детей одних во дворе? — сурово спросил он.

— Так ведь, сэр, ворота были заперты, сэр. Робертс дежурил снаружи. Я только заглянул в коридор хлебнуть чайку с миссис Воткинс, она так ждала...

— Так, продолжайте. Сколько времени Вы хлебали этот чаек?

— Нисколько, сэр. Я только взял чашку у миссис Воткинс, положил сахарку, размешал и сразу вышел...

— А потом?

— Ну, а детей уже не было. Я сначала подумал, что они зашли за колонны.

Сержант вытер лицо носовым платком.

— Но нет, — прибавил он.

— Исчезли?

— Да, сэр, исчезли.

— И кровать тоже.

— Да, сэр, и кровать. Мы обыскали помещения. Ворота были еще на замке. Робертс сказал, что ничего не заметил.

Инспектор разглядывал свои ногти.

— Весьма странно. Миссис Воткинс подтверждает вашу историю?

— Да, сэр.

— Значит, говорите, миссис Воткинс они понравились?

— Да, сэр. Они славные ребяташки, сэр, воспитанные. Я тут рассердился на них прошлой ночью. Ушиб ногу об их кровать. А они совсем не обиделись.

Инспектор откинулся в кресле.

— Стало быть, они и Вам пришлись по душе?

— Прошлой ночью нет. Но сегодня утром — знаете, сэр, они так хвалили мою птичку...

— И Вы, наверное, пожалели, — медленно произнес инспектор, не спуская глаз с сержанта, — что вообще привели их сюда.

Сержант посмотрел на инспектора округлившими-ся глазами и глотнул воздух.

— Думаете, я пошел и выпустил их, да? — На его полном лице появилось суровое и величественное выражение. — Уверяю Вас, сэр, мне и в голову не пришло ничего подобного. Я знаю свои обязанности, сэр.

Он замолчал, уставившись в одну точку на стене, над головой инспектора.

Инспектор улыбнулся:

— Извините, сержант, если я был к Вам несправедлив. Но Вы же рассказали мне такую небылицу, сами понимаете. Если передние ворота заперты, выйти со двора абсолютно невозможно.

— Знаю, сэр.

— Да еще эта ерунда с кроватью...

— Да, сэр, — сказал сержант.

— Этих детей никак нельзя считать правонарушителями. Они просто шалили, так ведь?

— Да, сэр.

Неожиданно в глазах сержанта блеснул веселый огонек. Он повертел в руках фуражку и, покраснев, поглядел на инспектора так, будто с трудом решался выразить свою мысль словами.

— Мне кое-что сейчас пришло в голову, сэр.

— Ну?

— Девчурка, когда я спросил, как она перенесла кровать из Бедфордшира...

— Да?

Сержант понизил голос.

— Она сказала — по волшебству.

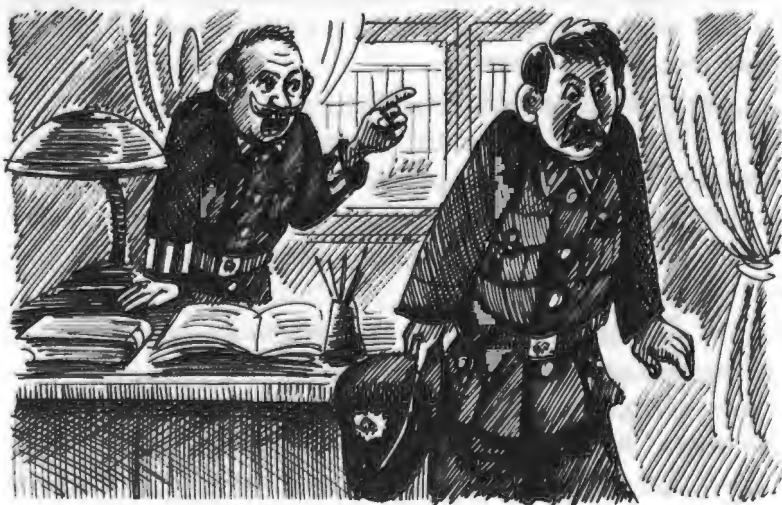
На мгновение инспектор онемел, потом слабым голосом произнес:

— Ну, знаете, сержант...

Румянец на щеках сержанта стал гуще.

— Я знаю, сэр, — покорно сказал он.

— Ну, знаете, сержант, — продолжал инспектор, поднимаясь и начиная собирать бумаги к судебному заседанию, — Вы же взрослый человек, в конце концов. Бросьте эти фантазии.

У КЭРИ ПОЯВИЛАСЬ ИДЕЯ

Слава Богу, они все-таки попали домой. Кэри и Чарльз едва успели умыться и одеть Пола, и тут Элизабет как раз позвонила в гонг к завтраку. Пол чуть не заснул над своей овсянкой. Позже Элизабет поблагодарила Кэри и Чарльза за то, что они убрали постели, в которых не спали, и им стало неловко. Их приключение не казалось им сном, но осталось чувство, будто они отсутствовали гораздо дольше, чем одну ночь. И всем очень хотелось спать.

— Давайте навестим мисс Прайс, а потом заберемя на сеновал и поспим до чая, — предложила Кэри.

Мисс Прайс, в большой соломенной шляпе и полотняном переднике, стояла на коленях у цветочной грядки и что-то сажала. Был чудесный день; сад дремал, нежась в солнечных лучах.

— Ну как, действует? — спросила мисс Прайс, распрямляя спину и вглядываясь в лица ребят.

— Да, — сказала Кэри. — Действует, как колдовство... То есть, как заклинание... то есть... Ох, ну, в общем, действует.

Она плюхнулась на траву рядом с мисс Прайс.

— Вам понравилось? — с беспокойством спросила та. — У Пола слипаются глаза.

Кэри выдернула пучок душистой травы.

— Ну, не то чтобы очень, — вздохнула она и попыталась воткнуть пучок обратно.

— Нет? — с огорчением воскликнула мисс Прайс.

И тогда они рассказали обо всем, что с ними случилось. Ребята часто перебивали друг друга, а иногда говорили хором, но постепенно, по кусочку, мисс Прайс удалось составить всю картину их приключения. Она становилась все мрачнее и мрачнее, пока они описывали историю с «законом» и пришла в ужас, услышав, что их забрали в полицейский участок. Опечалилась, когда Чарльз рассказал, как тюремный фургон привез кровать во двор и как они смотрели на нее из-за решетки. Но лицо ее заметно посветлело, когда ребята добрались до садика сержанта. Кэри подражала голосу миссис Воткинс: «Ну теперь бегите, поглядите на птичку, только не трогайте там георгины». Им не пришлось досказывать остальное. Мисс Прайс слишком хорошо понимала, что должно было произойти, как только они добрались до кровати.

— Кто-нибудь видел, как вы улетели? — спросила она.

— Нет, — ответила Кэри. — Сержант как раз пошел за чаем.

— Кровать полетела сразу?

— Да, как молния. Едва Пол загадал желание. Мы еле успели забраться.

— Ну что ж, — произнесла мисс Прайс, — будем надеяться, что они не станут звонить вашей маме.

— Мама скажет — это были не мы, — заметил Чарльз. — Она же думает, что мы не можем оказаться в Лондоне.

— Правильно, — согласилась Кэри. — А тетя Беатриса сразу скажет, что мы были здесь. Может, мы и в самом деле не были в Лондоне?

— А где же мы тогда были? — опешил Пол.

— Ну, Пол! — нетерпеливо воскликнула Кэри. — Она повернулась к нему спиной и посмотрела на мисс Прайс, которая снова принялась копать ямку садовым совком. — Что Вы сажаете, мисс Прайс?

— Эдельвейс, — рассеянно ответила та и вздохнула. — Что ж, все хорошо, что хорошо кончается. Ваше счастье. Все могло быть хуже, гораздо хуже.

Кэри смотрела, как мисс Прайс помещает серебристое растение в ямку.

— Я думала, эдельвейс растет только на альпийских лугах.

Мисс Прайс заметно порозовела и плотно сжала губы.

— Он неплохо растет и у меня в саду, — коротко ответила она.

Подумав немного, Кэри беззаботно сказала:

— Вы собираетесь показать что-нибудь на цветочной выставке?

Мисс Прайс порозовела еще больше.

— Могу показать розу.

— Новый сорт? — с интересом спросила Кэри.

— Нет, просто большую.

— Можно посмотреть?

— Ну, она пока еще в бутонах, — уклончиво ответила мисс Прайс.

— А на бутоны можно посмотреть?

— О Боже мой, Кэри! — воскликнула мисс Прайс, внезапно выходя из себя. — Мне кажется, вам пора обедать.

— Только в час, — заверила ее Кэри. — Мисс Прайс...

— Да?

— Если бы кто-нибудь собирался участвовать в цветочной выставке, честно было бы с его стороны применять колдовство?

Мисс Прайс с силой надавила на совок.

— Абсолютно честно, — ответила она.

Кэри умолкла. Пол лежал на животе, разглядывая в траве ухвертку. Он почти спал, но удерживал один глаз открытым при помощи пальца. Мисс Прайс выкопала еще одну ямку.

— А как насчет тех, кто не умеет колдовать? — спросила Кэри через некоторое время.

— А как насчет тех, кто имеет возможность купить специальные удобрения? — парировала мисс Прайс. Она сунула было цветок в ямку вверх ногами, но спохватилась. — Как насчет владельцев теплиц? — Она осторожно встряхнула растеньице, чтобы освободить листья от земли. — Как насчет тех, кто может себе позволить держать платных садовников?

Она возмущенно посмотрела на Кэри.

— Я же только спросила, — растерялась та.

— Я зарабатываю себе на учебу, — мрачно объявила мисс Прайс, принимаясь за очередную ямку. Лицо у нее стало очень красным.

— Мисс Прайс... — начала Кэри после паузы.

— Да?

— А почему Вы не наколдуете много-много золотых соверенов*?

— Золотых соверенов?

— Да, целые мешки. Тогда Вы смогли бы купить себе теплицу, и удобрения, и все такое.

Мисс Прайс со вздохом сдвинула шляпу со лба.

— Я пыталась объяснить тебе, Кэри, как сложно колдовать, но ты по-прежнему думаешь, что стоит мне только взмахнуть рукой, и что-то случится. Тебе когда-нибудь приходилось слышать о богатой ведьме?

— Нет, — согласилась Кэри. — Не припомню.

— Я скажу тебе, почему. Делать деньги сложнее всего. Поэтому большинство ведьм живет бедно. А совсем не потому, что им так нравится. Мне еще повезло, — веско прибавила мисс Прайс, — что моя дорогая матушка оставила мне небольшое наследство.

— А есть какие-нибудь заклинания, чтобы делать деньги?

— Десятки. Но невозможно достать ингредиенты. Чего никто не может понять, — продолжала мисс Прайс, — так это то, что только очень немногие заклинания действуют без специальных атрибутов. Понимаешь, у тебя должно быть все, что ты превращаешь, и с помощью чего ты это делаешь.

— Да, — сказала Кэри. — Это понятно.

— И только очень немногие заклинания я помню наизусть, — призналась мисс Прайс. — Мне нужно время, чтобы их отыскать. И тишина. Мне нельзя волноваться. — Она снова взялась за совок. — Если

* Соверен — монета; не из чистого золота, конечно, но солидная. В Англии таких давно уже не чеканят.

я волнуюсь, все сразу вылетает у меня из головы. А теперь пора будить мальчиков. Часы на церкви пробили три четверти.

Кэри неохотно поднялась.

— Мне бы хотелось, чтобы в следующее приключение Вы поехали с нами.

— Что ж, все зависит от того, куда вы едете, — ответила мисс Прайс. — Если я поеду с вами, то я бы предпочла, чтобы все было устроено чуть лучше, чем прошлой ночью.

— Вы сами выберете место, — предложила Кэри.

— Обсудим это все вместе, — весело сказала мисс Прайс. Кэри показалось, что она рада приглашению. — Только не сегодня. Сначала надо хорошенько выспаться...

Насчет острова в южном море Кэри придумала на сеновале. Она проснулась раньше братьев и лежала, сонно глядя в раскрытую дверь на голубое небо и вдыхая сладкий запах оставшихся с прошлого года сушеных яблок.

«Такая жалость, — думала она, — что нам придется путешествовать ночью. Есть уйма разных мест, которые мне хотелось бы увидеть, но только днем».

Потом Кэри припомнила, что Земля медленно вращается и, если уехать достаточно далеко — например, на волшебной кровати, — можно догнать солнце. Идея постепенно обретала форму и превратилась наконец в такую невыносимо волнующую перспективу, что пришлось разбудить Чарльза.

Целый вечер они говорили только на эту тему, а прямо на следующее утро взялись за мисс Прайс. Помимо того, что мисс Прайс ей нравилась, Кэри рассудила, что с ней будет чувствовать себя увереннее: дополнительное колдовство никогда не помешает.

Сначала мисс Прайс обеспокоило расстояние.

— Нет, Кэри, невозможно в моем возрасте болтаться по Тихому океану. Я люблю то, к чему привыкла. Лучше езжайте сами.

— Ну поедemте, мисс Прайс, — умоляла ее Кэри. — Вам вовсе не нужно болтаться. Просто посидите на солнышке и погрееете щиколотку. Будет здорово, мисс Прайс. Представьте себе: бананы, плоды хлебного дерева, ананасы, манго. Вы можете лететь на метле.

— Метла делает не больше пяти миль* за один полет, — возразила мисс Прайс, но глаза у нее загорелись при мысли о том, что можно будет срезать и укоренить ветку хлебного дерева.

— Тогда летите с нами на кровати, там полно свободного места. Ну пожалуйста, мисс Прайс.

Мисс Прайс махнула рукой.

— Все-таки разнообразие, — согласилась она.

— Поедем сегодня ночью?

— Сегодня? — испугалась мисс Прайс.

— А почему нет? Мы вчера выспались.

— Ну... — нерешительно сказала мисс Прайс, — если вы выспались...

Пола идея острова в Южном море озадачила, но когда Кэри и Чарльз рассказали ему о коралловых рифах, он тоже согласился. Только настаивал, чтобы ему разрешили взять ведро и совок.

Мисс Прайс достала атлас и энциклопедию, и они принялись искать острова, на которых рассвет соот-

* Англичане измеряют расстояние не в километрах, а в милях. Одна сухопутная миля равна 1609 м. По словам мисс Прайс, получается, что ведьмина метла не может осилить даже трамвайный маршрут.

ветствовал бы закату в Англии. Выбор остановили на острове под названием Уипи. Он не был обозначен на карте, но упоминался в энциклопедии как место, которое еще предстояло исследовать белому человеку. В 1809 году он был замечен с проплывавшего мимо корабля «Люция Каворта» и объявлен необитаемым.

— Мы возьмем его себе, — обрадовалась Кэри. — Можем его даже переименовать.

Поскольку мисс Прайс и слышать не хотела о том, чтобы поздно вечером прокрасться в дом тетки Беатрисы, решили, что она подлетит к окну на метле, а ребята ее впустят.

...Выдался один из тех вечеров, когда Элизабет была настроена поговорить о том, как сынишке ее сестры удаляли гланды, и она шла за ребятами от ванной до спальни, пересказывая уже хорошо знакомые им подробности. Они знали, что позже, когда Элизабет будет сервировать ужин тетке Беатрисе, она вздохнет и скажет, что «из сил выбилась, загоняя этих детей в кровать».

Наконец она удалилась, тяжело ступая по лестнице, и Кэри с Чарльзом проскользнули из своей комнаты в спальню Пола. Пол спал; они присели на его кровать и прошептались до тех пор, пока не начало темнеть. Тогда Кэри и Чарльз подошли к окну, чтобы встретить мисс Прайс. Чарльз первым высмотрел ее. Она летела низко над землей, в тени кедров.

Метла была перегружена и покачивалась у подоконника, как шлюпка у борта корабля. Впустить мисс Прайс в комнату оказалось сложным делом. Она везла плетеную сумку, книгу и зонт и не решилась слезть с метлы, пока надежно не встала ногами на подоконник. Мисс Прайс уронила шляпу, задев ею за раму, и оказалось, что это тропический шлем.

— Это моего отца, — пояснила мисс Прайс громким шепотом, — один из тех, что он носил в Пуне в девяносто девятом году. У него еще была по краям противомосkitная сетка*.

Кэри повертела шлем на пальце, чтобы лучше разглядеть. От него сильно пахло нафталином.

— Не думаю, что на южном море водятся комары, — прошептала она.

— Что ж, — бодро отозвалась мисс Прайс (она пыталась привязать сумку к кровати при помощи шнура от халата Пола). — Профилактика лучше лечения. Чарльз, зонтик лучше засунуть под матрас. И мою книгу, пожалуйста, тоже.

Уже стемнело так, что они с трудом видели лица друг друга. Луны не было, и кедровые кроны почти сливались с серым небом. Пока Чарльз приподнимал матрас, чтобы спрятать книгу и зонт, проснулся Пол.

— Чего тебе? — сонно спросил он.

Кэри подседа к нему.

— Надевай халат, — прошептала она. — Пора ехать.

— Куда? — спросил Пол своим обычным голосом.

— Ш-ш... На остров в южном море. Коралловый риф, помнишь?

— Темно же.

— Там будет день. — Кэри всунула его руки в рукава халата. — Вот умница. Ты должен сказать: «Хочу попасть на Уипи». Вот твой сачок, и ведерко, и лопатка. Поднимайся, Пол.

* Очевидно, папа мисс Прайс участвовал в англо-бурской войне (1899—1902). Военные действия проходили в Африке, как раз в тех местах, где много ку-сачих насекомых.

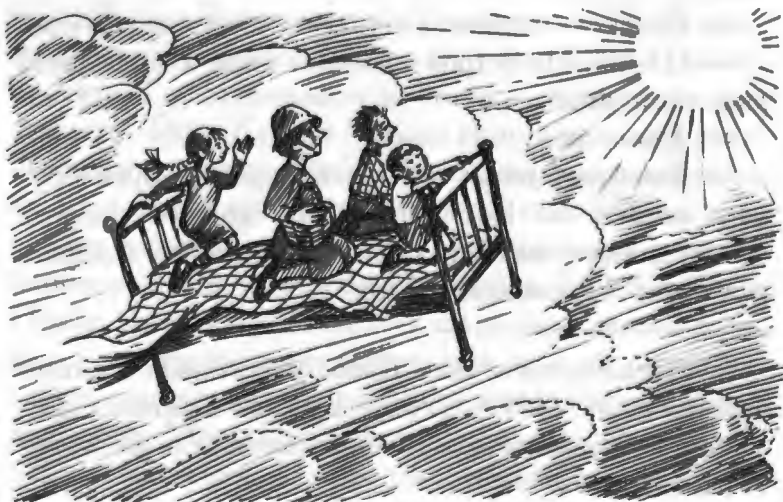
Пол встал на колени, лицом к изголовью. Мисс Прайс положила метлу под одеяло. Все заняли места: мисс Прайс рядом с Чарльзом и Полом, а Кэри у них в ногах.

Пол положил руку на шишечку и обернулся.

— Меня тошнит, когда кровать летит, — объявил он.

— Ну Пол! — прошептала Кэри. — Это же одна минута. Ты вполне способен это пережить. А какой замечательный завтрак у мисс Прайс в сумке! Давай, поворачивай.

Пол повернул шишечку. Кровать неприятно накренилась... Вокруг была сплошная синева, стремительно уносившаяся назад синева, которая блестела, как развевающаяся парчовая лента. В этой синеве все больше становилось блеска, тепла, золотых лучей, и наконец ее сменил ослепительный солнечный свет. Когда кровать заскользила по земле и резко остановилась, на путешественников посыпался обжигающий песок.

ОСТРОВ УИПИ

Первым делом Кэри пожалела, что не взяла шляпу. Белый песок отражал слепящие солнечные лучи и смотреть можно было, только прищурив глаза.

Кровать постаралась. Она опустила их на самый конец рифа в форме подковы, на узкую полоску белого песка, которую поддерживали стены из пористого коралла. Было похоже на корабль. По ту сторону ослепительно голубой морской лагуны виднелся другой конец «подковы». Посредине, примерно в миле от них, росли на невысоких холмах деревья.

Среди скал, окружавших полоску суши, образовались прозрачные лужицы, в которых поблескивали морские водоросли замечательных оттенков, морские анемоны и рыбки. А песок был ровным, чудесным, белым, как сахарная глазурь. Кровать, приземляясь, оставила в нем четыре глубоких борозды, но вокруг на нем не было больше ни следов, ни ряби.

Чарльз скинул тапочки и медленно погрузил босые ноги в теплый песок.

— Вот это да! — счастливо сказал он.

— Как красиво! — воскликнула Кэри. — Как чудесно! Давайте пойдем на разведку.

С моря на лагуну обрушивались огромные волны и разбивались фонтанами брызг, покрывая пеной ровную поверхность воды.

Мисс Прайс распаковывала вещи. Она вытащила из плетеной сумки четыре бутылки имбирного лимонада и опустила в лужицу охладить. Остальную еду — бутерброды и сваренные вкрутую яйца — положила в тень, под кровать.

— Вы, старшие, можете отправляться на разведку, — объявила она, — а я намерена сидеть здесь, на солнышке.

Она вызволила из-под матраса книгу, зонт и метлу. Потом, усевшись на песок и прислонившись к кровати, аккуратно сняла ботинки и чулки. И наконец водрузила на голову тропический шлем, раскрыла зонт и взялась за книгу.

Пол с кровати заглянул через плечо мисс Прайс.

— Глава шестая, — прочел он вслух по слогам. — «Чужая жена».

Мисс Прайс закрыла книгу, заложив ее пальцем.

— А ты, Пол, — сказала она довольно резко, — можешь взять ведро с совком и строить песочные крепости.

— Я тоже хочу на разведку, — возразил Пол.

— Нет, ты останешься здесь и будешь играть возле меня. Спрыгивай, я закатаю твои пижамные брюки.

В конце концов договорились, что Кэри и Чарльз пойдут одни, взяв с собой еду, и что все они встретятся у кровати примерно за час до заката.

— И не опаздывайте, — предупредила их мисс Прайс. — На этих островах не бывает сумерек.

Кэри и Чарльз пустились наперегонки по песчаной полосе к главной части острова. По одну сторону от них лежала тихая лагуна, по другую — буруны разбивались о коралловые скалы, и на бегу ребята вдыхали аромат морских брызг. Легкий бриз задувал в рукава их пижам, веселым холодком пробегал по коже.

— Здорово, правда? — крикнула Кэри на бегу, прибавляя скорость.

— Еще бы! — отозвался Чарльз.

Центральная часть берега оказалась просто восхитительной. Сначала ребята обнаружили остатки настоящего кораблекрушения. Потом повернули в глубь острова и на земле под деревьями нашли кокосовый орех. Потом увидели первое хлебное дерево. Они чуть с ума не сошли от восторга. Они много читали о хлебных деревьях.

— Не очень-то похоже на хлеб, — заметил Чарльз, попробовав. — Больше напоминает крем.

Они нашли пресный ручеек и, пробираясь вдоль него между скалами и лианами, вышли к тихому озеру. Корни деревьев переплетались в его прозрачной воде, а посередине была ровная, освещенная солнцем скала.

— Для нырянья, — сказал Чарльз.

Раз очутившись в воде, уже невозможно заставить себя вылезти. Кэри и Чарльз ныряли, плавали и загораки. Они съели свои бутерброды и выпили имбирный лимонад, который показался довольно противным на вкус в сравнении с кокосовым молоком. Косы Кэри расплелись, и пряди мокрых волос рассыпались по плечам, как у русалки. Ребята немного под-

ремали на скале, поболтали, а потом снова бросились в воду.

— Это место будет нашим навсегда, — заявила Кэри. — Наш секретный остров. Я никогда не соглашусь поехать куда-нибудь еще.

Незачем было спешить исследовать весь Уипи, ведь они могли возвращаться снова и снова. Построить здесь дом, привезти посуду, книги...

Когда Кэри и Чарльз наконец оделись, солнце стояло довольно низко и на озеро легли тени. Странные птицы сновали среди темных деревьев, а один раз послышался глухой, почти человеческий крик. Кэри продрогла в своей тонкой пижаме. Кожа горела от солнца и воды, на ногах обнаружились царапины. Когда ребята вышли из тени деревьев, берег больше не был белым, в глубоком тепле заходящего солнца он приобрел золотистый оттенок.

— Мы, по-моему, немного опаздываем, — заметила Кэри и посмотрела из-под руки через лагуну, туда, где осталась кровать. — Кровать на месте. Но я не вижу... Ты видишь мисс Прайс и Пола?

Чарльз пригляделся.

— Нет. Разве что они забрались в кровать.

— Значит, они все-таки пошли на разведку. Во всяком случае, мы вернемся первыми, даже если опаздываем. Идем.

— Погоди, — сказал Чарльз упавшим голосом. — Слушай, Кэри...

— Что?

— Ту полоску залило водой.

— Что? — переспросила Кэри.

Она проследила за взглядом Чарльза. Гладкие буруны перекатывались через песчаную и коралловую отмель, вдоль которой они так весело бежали утром;

гладкие, похожие на гребни буруны вливались в тихую лагуну, слегка разбрызгиваясь там, где коралловая гряда удерживала песок. Кровать, черная на фоне сверкающего моря, напоминала остров, отрезанный от мира.

Ребята долго смотрели на воду.

— Ты можешь переплыть лагуну? — спросил Чарльз, нарушая молчание.

Кэри сглотнула.

— Не знаю, — хрипло сказала она.

— Может, попробовать? — неуверенно предложил Чарльз.

— А как же мисс Прайс и Пол? — напомнила Кэри.

— Они, наверное, в кровати. — Чарльз прищурился. — Отсюда не разглядеть.

— Ты бы увидел бугор или что-нибудь вроде того. О Господи! Чарльз! — жалобно воскликнула Кэри. — Стемнеет же скоро!

— Кэри! — вдруг крикнул Чарльз.

Она резко обернулась, напуганная его тоном. Он глядел в сторону берега, в тень деревьев. Там стояли три безмолвные фигуры, и ни одна из них не была мисс Прайс или Полом; три темные фигуры, такие неподвижные, что трудно было сразу признать в них людей.

— Каннибалы! — пронзительно вскрикнула Кэри и бросилась к морю.

Она даже не оглянулась, чтобы посмотреть, бежит ли за ней Чарльз; она удидала, не думая, не слыша и почти не видя, как кролик от охотника или кухарка от мыши. Кэри поймали у самой воды. Сначала она почувствовала чужое дыхание за спиной, а потом туземцы схватили ее за локти. Она визжала, кусалась и

извивалась, что, конечно, имело мало общего с манерами настоящей леди, но, согласитесь, было вполне простительно. А потом сразу Кэри сдалась. Задышавшись и всхлипывая, она позволила нести себя к берегу вниз головой. Чарльза тащили в том же положении. Кэри окликнула его, но он не смог или не захотел ответить.

Тот, кто поймал Кэри, направлялся к лесу, и при каждом шаге она ударялась головой о его позвоночник. В лесу стояла кромешная тьма, но через некоторое время Кэри услышала отдаленный бой тамтама. Что и говорить, теперь она была не слишком высокого мнения об авторе, определившем этот остров как необитаемый. «Думать надо все-таки, что пишешь в энциклопедиях», — всхлипывала она, прижимаясь лицом к пахнувшей кокосовым маслом спине, чтобы уберечься от колючих лиан.

64 Когда дробь тамтама стала ближе, Кэри услышала и другой звук. Человеческие голоса пели: «Эй... о... эй... о... эй... о...». Потом она увидела проблеск света между стволами деревьев и стеблями лиан. Он становился все сильнее, ярче, и наконец они вышли на открытое пространство, освещенное пламенем костра, вокруг которого плясали тени. «Эй... о... эй... о... эй... о...», — тянули голоса.

Насколько могла судить Кэри, висая вниз головой, они прошли сквозь круг танцующих, потому что глазам на мгновение стало больно от света костра, а монотонное пение перешло в возглас приятного удивления — «Эй... о... эй... о...».

Удар. Тот, кто ее поймал, так и сбросил ее с плеча головой вниз, как мешок картошки. Оглушенная, Кэри медленно села и оглянулась в поисках Чарльза. Он подполз к ней. На лбу у Чарльза запеклась

кровь, и он, похоже, не вполне понимал, что происходит.

Вдруг кто-то потянул Кэри за волосы. Она подскочила, будто укушенная, обернулась — и увидела Пола. Он был грязным с головы до ног, что бросалось в глаза даже при свете костра, но улыбался и что-то говорил — а что, она не слышала из-за шума голосов и боя тамтама.

— Пол! — закричала Кэри и вдруг почувствовала, что ей уже не так страшно. — Где мисс Прайс?

Пол показал пальцем — это был самый простой способ. Бедная мисс Прайс сидела в самом центре круга, скрученная лианами по рукам и ногам. На ней все еще были тропический шлем и темные очки, которые поблескивали при свете костра.

Пол что-то кричал на ухо Кэри. Она наклонилась ближе.

— Они собираются нас съесть, — повторил Пол. — У них там, сзади, котел. Это людоеды.

Кэри поразились жизнерадостности Пола. «Ему, верно, кажется, что это сон», — подумала она.

Танец начал убыстряться. Раскрашенные туземцы вертелись и раскачивались. «Эй... о... эй... о...» слились в одно слово, а дробь тамтама — в одну гудящую ноту. Потом последовал окрик, и танец прекратился. Послышалось шарканье босых ног, и наступила тишина.

Пол втиснулся между Кэри и Чарльзом. Кэри взяла его за руку.

Танцоры стояли неподвижно, как статуи, и все, как один, смотрели на ребят. Неожиданно для себя Кэри отпустила руку Пола и начала аплодировать. Чарльз последовал ее примеру, и Пол присоединился к ним с большим энтузиазмом, словно был в театре.

Танцоры заулыбались застенчиво, о чем-то посоветовались между собой и уселись, скрестив ноги, вокруг костра. Мисс Прайс оказалась в центре круга и ближе всех к огню. Трое ребят сбились кучкой чуть в стороне.

Снова рассыпался дробью тамтам. Туземцы выжидающе уставились в сторону тропинки, которая вилась среди деревьев. Раздался дикий, нечеловеческий вопль, и в свет костра вихрем ворвалась забавная фигурка. Если у нее и было лицо, его все равно не удалось бы разглядеть под толстым слоем алой и белой краски. К поясу сзади был прикреплен огромный хвост из блестящих перьев, и когда фигурка кружилась, хвост тряся, как будто вилял. Костюм дополняли браслеты из обезьяньего меха. В одной руке это странное существо держало большую кость, а в другой — что бы вы думали? — метлу мисс Прайс!

— Местный колдун, — прошептал Чарльз на ухо Кэри.

Кэри задрожала. Да и сидевшие кружком танцоры вроде бы съежились от испуга. Фантастическое существо, растопырив руки, на полусогнутых ногах поскакало к мисс Прайс. С каждым прыжком оно умудрялось почти полностью обернуться вокруг своей оси. И всякий раз, как оно трясло перьями, Пол начинал хохотать.

— Тише, Пол, — умоляла Кэри. — Ты его разозлишь.

Пол прикрывал рот ладонью, но все равно не мог удержаться от смеха.

Наконец колдун остановился прямо перед мисс Прайс. Он запрокинул голову и издал дикий вой, который разнесся эхом по всему острову. Мисс Прайс

взглянула на него сквозь темные очки. Ребята не видели выражения ее лица.

Через некоторое время раздался новый вой, еще более высокий, дикий и пронзительный. Колдун опустил метлу. В его поведении появилось нечто, похожее на растерянность.

Кэри стиснула руки и расхохоталась.

— Чарльз, это же мисс Прайс! — прошептала она. — Этот, последний вой — ее.

Колдун опомнился от удивления, дважды подпрыгнул и завыл снова. Это был всем воям вой. Он длился и длился. Кэри представляла, как он отзывается эхом в рифах, над лагуной и темнеющим морем. Потом колдун замолчал. Он словно хотел сказать: «Попробуй лучше, если сможешь».

Мисс Прайс облизала губы и повела плечами. На этот раз раздался свист — до того мучительно пронзительный свист, что его невозможно было слушать. Туземцы заерзали, у Кэри перехватило дыхание, а колдун зажал ладонями уши и завертелся волчком, словно этот острый, как кончик иглы, звук причинял ему боль.

Когда он остановился, танцоры зашептались. Тогда колдун развернулся в их сторону и злобно на них уставился.

— Хррмф! — хрюкнул он и снова приблизился к мисс Прайс.

Та взглянула на него бесстрастно. Темные очки пришлись тут очень кстати. Кэри скрестила большие пальцы. Она припомнила слова мисс Прайс насчет того, как мало заклятий она помнит наизусть и как все вылетает у нее из головы, когда она волнуется. «Давайте, мисс Прайс!» — выдохнула Кэри. Она готова была скандировать, как болель-

щик на футбольном матче: «Мисс Прайс! Мисс Прайс!».

Колдун схватил метлу и раскрутил ее в воздухе. Та со свистом описала круг и вернулась, медленно вращаясь. Он поймал метлу, не глядя, другой рукой. В толпе послышался одобрительный шепот, и колдун несколько раз довольно подпрыгнул.

Мисс Прайс рассмеялась. («Бог ты мой, — подумала Кэри, — она не волнуется!»).

Колдун уставился на мисс Прайс. Она сидела совершенно спокойно — подозрительно спокойно, — но все же что-то происходило. И вот ребята увидели, что между мисс Прайс и землей — просвет, который все увеличивается. Не меняя положения, мисс Прайс поднялась в воздух на три фута!*

Туземцы восторженно перешептывались. Мисс Прайс удерживала позицию. Кэри видела, что зубы ее стиснуты, лицо покраснело. «Держитесь, мисс Прайс, — шептала она, вцепившись в локоть Чарльза, — держитесь...».

Неожиданно мисс Прайс резко потеряла высоту и шлепнулась на землю. По выражению боли на ее лице Кэри поняла, что она прикусила язык. Зато ладони у нее на руках разорвались от удара. Мисс Прайс сунула пальцы в рот, словно желала проверить, на месте ли язык, потом потеряла запястья и оглянулась на ребят.

Колдун диковинными скачками несколько раз пронесся вокруг костра. Он вопил, он размахивал метлой. Кэри заметила, что всякий раз, как он приближается к туземцам, те отодвигаются. Когда колдун решил, что зрители находятся под должным

* Почти на метр.

впечатлением, он прекратил свои выходки и отшвырнул метлу. Потом присел на корточки и пристально на нее посмотрел. В воздухе витало ожидание, и что-то не давало Кэри отвести взгляд от мисс Прайс.

— Гляди! — вдруг прошептал Чарльз.

По кругу зрителей пролетел вздох и довольный шепот: метла двигалась! Неровно, рывками, словно ее подтягивали на веревке, она придвигалась к колдуну. Сам колдун сидел неподвижно, как каменное изваяние, и, казалось, молча подзывал ее к себе.

Мисс Прайс подалась вперед. Темные очки она сдвинула на лоб, и Кэри наконец увидела выражение ее лица. Это было лицо человека, глубоко заинтересованного. Мисс Прайс посмотрела на метлу чуть подольше, а потом снова надвинула на глаза очки, опустила голову и, похоже, вообще задремала.

В нескольких футах от колдуна метла остановилась.

Колдун поднял голову, взглянул на зрителей, потом на мисс Прайс. Та по-прежнему сидела, опустив голову. Тогда колдун чуть подвинулся вперед, поближе к метле. «Жульничает!» — в ярости прошептала Кэри.

Метла снова пришла в движение, только на этот раз она скользила к мисс Прайс, и не рывками, а плавно и уверенно. Колдун поспешно занял прежнюю позицию. Метла остановилась.

— О Боже мой! — воскликнула Кэри. — Это невозможно вынести!

И вновь неохотно, рывками, метла поползла к колдуну. Мисс Прайс еще ниже наклонила голову и стиснула руки. Метла помедлила в нерешительности,

а потом одним броском скользнула по песку прямо ей в руки. Мисс Прайс крепко ее ухватила и откинула голову.

Колдун вскочил, трижды подпрыгнул, взывал нечеловеческим голосом и стал приближаться к мисс Прайс. В руке его блеснуло что-то длинное и острое. Сжимая метлу, мисс Прайс твердо посмотрела ему в лицо. Ноги у нее были связаны, убежать она не могла.

Кэри вскрикнула и закрыла глаза, но Пол, сидевший рядом на корточках, взволнованно закричал:

— Дым! Желтый дым! Мисс Прайс! Вы так можете даже лежать!

Мисс Прайс бросила в его сторону благодарный взгляд. Она сделала вдох. Потом протянула руки к колдуну, словно пытаясь отгородиться от него метлой. Он замер, согнув колени, готовый к прыжку, но вдруг как-то съехался, уменьшился и начал оседать, как будто таял от жара костра. Затаив дыхание, ребята смотрели, как колдун становится все меньше, меньше и наконец превращается в крошечный золотой шарик, едва различимый на песке.

— Видите! — завизжал Пол. — У нее получилось! Она не смогла сделать это быстро, но все-таки у нее получилось!

Кэри наклонилась, чтобы получше разглядеть. Шарик неожиданно подпрыгнул. Кэри вздрогнула. Пол расхохотался. Он пришел в страшное возбуждение.

— Это же дым, дым! — верещал он. — Пустяковый дымишка... дурацкий старый дым!

Кэри шлепнула его.

— Тихо, — прошипела она. — Мы еще не спаслись.

Танцоры подозрительно молчали. Они явно боялись — боялись дыма, боялись мисс Прайс, боялись даже ребят.

— Кэри! — позвала мисс Прайс.

Она разглядывала лианы, которыми были связаны ее ноги. Кэри подбежала к ней, Чарльз и Пол следом.

— Придется вам держаться за метлу. Это будет трудно, но не слишком долго. Надо добраться до кровати. Как только я закричу, кричите тоже, это поможет метле подняться.

— Вчетвером на метле! — ахнула Кэри.

— Я знаю. Опасно, конечно, но это наша единственная надежда. Пол может сидеть у меня на коленях, но вам с Чарльзом придется висеть. Так не забудьте: как только я закричу, вы все кричите тоже.

Мисс Прайс посадила Пола на колени и обеими руками ухватила за прутья. Кэри и Чарльз взяли за палку. На минуту мисс Прайс прикрыла глаза, припоминая заклинание. Дымок исчез, но танцоры, наблюдавшие за ними, неожиданно оживились. Мисс Прайс поспешно пробормотала:

Глаз тритона, пять акрид,

Сера, жаба, аконит.

Луна — свети;

Метла — лети!!!

На слове «лети» голос ее повысился до пронзительного крика. Ребята присоединились к ней. Метла приподнялась над землей. Кэри и Чарльз повисли на руках.

— ЛЕТИ-И-И!!! — взвизгнула мисс Прайс, подгоняя метлу.

Метла сделала еще одну героическую попытку. Вихляясь, она медленно пошла вверх. Туземцы рину-

лись вперед, сверкнули ножи, но Кэри и Чарльз болтались в воздухе вне досягаемости. Зато Кэри заметила, как один из дикарей вставляет в лук стрелу.

— ЛЕТИ-И-И!!! — снова пронзительно крикнула мисс Прайс.

— Ради Бога, — прибавил Чарльз.

С него соскальзывали пижамные брюки, и он чувствовал себя весьма уязвимым.

Может быть, это неожиданное добавление к заклиниванию пришпорило метлу, а может, по другой причине, только она внезапно взмыла к небу.

Костер и жестикулирующие танцоры остались далеко внизу. Путешественники поднялись над освещенными луной деревьями, а впереди мерцало море. Метла проседала и пошатывалась, но решительно продвигалась к рифам. Кэри и Чарльз держались из последних сил. Руки у них одеревенели и едва не отрывались, холодный ветер насквозь продувал пижамы.

Над лагуной метлу занесло в сторону, и она в изнеможении начала снижаться кругами. Кэри напрягла глаза. Ей были видны только буруны, буруны и брызги — одна вода; неужели кровать утонула?

— Ай!!! — закричала Кэри, когда метла, увеличивая скорость, устремилась прямо к волнам. И в этот момент они увидели кровать. Она стояла все там же, на пологой полоске песка. Но едва они очутились на кровати, как в море начала расти, набирая высоту и закручиваясь, огромная волна.

— Загадывай, Пол, загадывай! — взвизгнула Кэри.

Потом их накрыло волной. Захлебываясь, вымокнув до нитки, они цеплялись за скользкие прутья кровати.

Пол, как видно, все-таки загадал желание. Кровать покати́лась, накренилась и нырнула в пространство. Тьма редела по мере того, как они со свистом проносились сквозь нее. Вокруг постепенно разливался бледный свет, приобретая то золотой, то розовый, то голубой оттенок. Оттенки переплетались, как цветы в букете, схваченном голубой лентой... Кэри пригляделась — и вдруг узнала этот букет: утреннее солнце светило на обои в спальне Пола.

СЧЕТ ПРЕДЪЯВЛЕН

74

Наконец-то они вернулись домой, но в каком виде! В грязных, изодранных пижамах, без халатов, на промокшей насквозь кровати. У мисс Прайс дела обстояли не лучше. Ее чулки и ботинки остались на острове, тропический шлем отсырел и размяк, а с костюма на пол натекла лужа. Из всех вещей, что она брала с собой в путешествие, уцелела одна метла. Мисс Прайс выглянула в окно.

— Слишком светло, чтобы лететь, — пробормотала она. И тут ей в голову пришла ужасная мысль. — Должно быть, уже больше девяти!

Мисс Прайс без сил опустилась на стул. Как только она села, послышалось хлюпанье.

— Кэри, Боже мой, что же делать?

Чарльз подошел к окну. Оно так и оставалось открытым.

— Никого нет, — сказал он. — Спускайтесь по метле на землю и сразу бегите.

Мисс Прайс непонимающе на него уставилась.

— Боже мой! — воскликнула она. — Как это ужасно!

— Так надо, мисс Прайс, — настаивала Кэри. — Бегите.

Мисс Прайс посмотрела на свои босые ноги.

— Если я встречу садовника... — простонала она.

— Слушайте, — прошептал Чарльз, поднимая голову.

Ошибки быть не могло: на лестнице раздавались шаги.

— Быстрее. — Кэри почти насильно сунула метлу в руки мисс Прайс, и ребята помогли ей забраться на подоконник.

— О Господи! — пробормотала мисс Прайс, осторожно придерживаясь за раму. — Ну так же нельзя.

— Знаю, — прошептала Кэри, слегка подталкивая ее, — но что поделаешь.

Ребята посмотрели, как мисс Прайс плавно съезжает вниз, подбирает юбки, поднимает метлу и спешит к спасительным кустам. Когда она добралась до укрытия, они на минутку вздохнули с облегчением, а затем обернулись — чтобы встретиться глазами с Элизабет.

— Завтрак, — сказала та, стоя в дверях, — на столе уже полчаса... — и замолчала, раскрыв рот.

Она смотрела на пол. От кровати неторопливо растекалась широкая черная лужа, подбираясь к ногам горничной. Ошеломленный взгляд Элизабет долго блуждал по этому водоему, добрался до его истока и наконец сосредоточился на ребятах. И от этого взгляда не ускользнуло ничего — ни чумазные лица, ни мокрые волосы, ни облупленные носы, ни разодранные пижамы, прилипшие к обожженным солнцем рукам и ногам.

— Так, — произнесла Элизабет. — Чтобы я когда-нибудь... — Глаза ее блеснули, по бледным щекам поползла краска. — Это, — закончила она, — последняя капля.

Элизабет еще раз неспешно все осмотрела. Она приподняла угол пухового одеяла. Одеяло было темно-красным вместо бледно-розового и тяжело свисало между ее пальцами. Мягко и аккуратно от него отделялись капельки воды и равномерно падали на свеженатертый пол.

Элизабет опустила одеяло. Еще какое-то мгновение она обозревала всю картину, словно не веря собственным глазам, потом губы ее сложились в мрачную улыбку.

— Хорошо же, — прошептала она и, повернувшись, вышла из комнаты.

Трое ребят остались стоять, притихшие и несчастные; лужа у их ног становилась все глубже, и капли с одеяла тяжело отсчитывали секунды. Наконец Кэри откинула назад мокрые волосы.

— Пол, пойдем в ванную, умоемся.

— Что мне совершенно непонятно, — сказала тетка Беатриса в четвертый раз, — это откуда вы принесли воду. Ванная в самом конце коридора, и кувшина там нет.

Беседа происходила в ее кабинете. Тетка Беатриса сидела у письменного стола вполоборота, чтобы видеть, как они стоят, выстроившись в ряд на ковре. Все трое смотрели на нее круглыми и честными глазами, но в самой глубине этих глаз таилось какое-то напряжение.

«Что бы ни случилось, — предупредила Кэри остальных, — мисс Прайс выдавать нельзя. А так все равно, хуже уже не будет».

Кэри откашлялась. Она ничего не ответила, но твердо глядела в лицо своей тетке.

— Хочу тебе по-дружески заметить, Кэри, — сказала тетка Беатриса своим резким, язвительным голосом, — что ты производишь впечатление человека не совсем в своем уме. Эта история про остров в южном море, каннибалов... лагуны... Уж если необходимо было лгать, то втроем вы могли бы придумать что-нибудь получше.

Кэри сглотнула.

— Волшебная кровать... — Тетка Беатриса ехидно улыбнулась. — Возможно, тебе интересно будет узнать, что я лично купила эту кровать в 1903 году, совершенно новой, в «Баринг энд Уиллоу». Весьма солидная фирма, — наставительно прибавила она, — и не увлекается разными новшествами.

Кэри переступила с левой ноги на правую.

— Но что мне все еще остается неясным, — снова завела свое тетка Беатриса, — это откуда у вас вода.

— Из моря, — неожиданно сказал Пол. — Кэри же вам говорила.

Тетка Беатриса приподняла свои почти безволосые брови, взяла ручку и отвернулась к письменному столу. Ее тонкая улыбка не предвещала ничего хорошего.

— Неважно, — сказала она. — Я отправила телеграмму вашей матери, и Элизабет укладывает ваши вещи. Это последняя услуга, которую Элизабет мне окажет. После всех этих лет она предупредила меня, что берет расчет.

— Но это же правда была морская вода, — не выдержала Кэри. — Это действительно было море. Вы сами можете проверить.

Тетка Беатриса чуть обернулась к ней; ручка изящно замерла в ее птичьей лапке.

— Как, позволь узнать? — насмешливо спросила она.

— Если лизнете одеяло, тетя Беатриса, — вежливо ответила Кэри.

Глаза тетки Беатрисы стали агатовыми.

— Вы не мои дети, — холодно сказала она, — я уже не так молода, как была когда-то, и я вовсе не обязана терпеть подобные вещи. А вашей матери — неважно, работает она или нет — следует воспитывать вас иначе. Я закончила. Можете идти.

Ребята поплелись к двери, но на пороге остановились: тетка Беатриса заговорила снова:

— Поскольку такси здесь нет, мистер Бисселтуэйт, молочник любезно согласился заехать за вами в одиннадцать сорок пять. Ваш поезд отходит в двенадцать.

Тихо-тихо они закрыли за собой дверь.

ПРОЩАНИЕ

Молочник опоздал.

— Может, мы еще успеем попрощаться с мисс Прайс? — сказала Кэри.

— Кому-нибудь одному лучше остаться, — предложил Чарльз, — присмотреть за чемоданами и подождать повозку. Идите вы с Полом.

Мисс Прайс работала в палисаднике. Увидев Кэри и Пола в пальто и шляпах, она так удивилась, что поставила свою тачку и ждала. Кэри подбежала к ней.

— Мисс Прайс, мы уезжаем.

— Куда? — спросила мисс Прайс. Она была усталой и бледной, если не считать загара на тонком носу.

— Домой. В Лондон.

— О Господи, — с убитым видом сказала мисс Прайс и стала стаскивать садовые перчатки.

— Кровать, вода, ну и все такое. Нас отсылают. Но мы сдержали обещание, мисс Прайс. Мы о Вас ничего не сказали.

— О Господи, — повторила мисс Прайс и присела на краешек тачки.

Пол принялся собирать с кучи мусора срезанные цветочные головки.

— Мы пришли прощаться, — продолжала Кэри.

— Господи, — в третий раз произнесла мисс Прайс. — Я чувствую себя очень виноватой. Не надо было ездить на этот остров. Но я думала: тихий, погожий денек, дыхание морского воздуха...

— Глядите, — перебил Пол, — розовая капуста!

Кэри посмотрела на тачку. Среди мусора лежал гигантский розовый бутон.

— Ой, мисс Прайс! — воскликнула Кэри, не сводя с него взгляда.

Бутон весил фунта два*, не меньше.

Мисс Прайс покраснела.

— Я много думала со вчерашнего дня, Кэри. О прошлой ночи и о том, что ты говорила насчет цветочной выставки... — Она взглянула на Пола, словно включая его в перечень предметов для размышления. — И пришла к выводу, что колдовство чем-то похоже на жульничество в игре. Сначала это кажется забавным, но в конце концов едва ли приведет к чему-нибудь хорошему.

Пол нахмурился.

— У меня лично это всегда приводит к чему-нибудь хорошему, — твердо сказал он.

— Скорее всего, у меня не получится бросить колдовство совсем, — продолжала мисс Прайс, не обращая внимания на его слова. — Но думаю, что на время смогу.

Они помолчали.

— Ох, мисс Прайс... — печально пробормотала Кэри.

* Почти килограмм (1 фунт — это 453 грамма).

Она разделяла разочарование Пола.

— Это так связывает, — сказала мисс Прайс.

Пол отворачивал листья «розовой капусты». От тачки поднимался сладкий сухой аромат прогретых солнцем увядших лепестков.

— Я решила, — продолжала мисс Прайс, глядя на пальцы Пола, — в дальнейшем рассматривать колдовство не как хобби, — она помедлила, — а как слабость.

— Дорогая мисс Прайс, — вскричала Кэри, — Вы такая молодчина! — Она обхватила мисс Прайс за шею и вдруг почувствовала слезинку на ее длинном носу. — Спасибо Вам за все, и даже за каннибалов!

Это была тягостная минута. Пол глядел растерянно и хмуро. Его не оставляло сложное чувство, будто мисс Прайс переворачивала страницу прежде, чем он успел дочитать предыдущую. И когда к калитке с грохотом подъехала повозка молочника, это оказалось даже кстати. Мисс Прайс вытерла глаза.

— Ну, вам пора, — сказала она, поправляя шляпу.

Чарльз спрыгнул с повозки, чтобы пожать ей руку. Мисс Прайс попыталась улыбнуться.

— Счастливо вам, дорогие ребята, и до свидания. Сохраните ваши горячие сердца, ваше благородство и вашу смелость. Это поможет вам, — продолжала мисс Прайс, громко шмыгая носом, — не хуже колдовства.

Она поспешно отвернулась и покатила тачку к мусорной куче.

Молочник щелкнул кнутом, и повозка загромыхла прочь под веселый перезвон пустых бидонов.

— Она не сдержит слова, — сказал Пол, который под шумок успел занять место поближе к пони.

В поезде Чарльз хмурился, глядя в окно: Кэри сказала ему о беседе с мисс Прайс.

— Если колдовство и слабость, — заметил он, — так, по крайней мере, получше других.

— Ясное дело, — согласилась Кэри.

— Если бы у нас все еще была кровать, можно было бы, я думаю, еще полетать, — продолжал Чарльз. — Иногда.

— Да, — сказала Кэри. — Изредка.

— Кровать не была волшебной, — утешил их Пол. — Волшебной была только шишечка.

— Какая разница? — Кэри возмущенно отвернулась от Пола: стоя на коленях на сиденье, он дышал ей прямо в лицо. — От одной вещи нет проку без другой.

— А можно привинтить волшебную шишечку на другую такую же кровать?

— Ох, ну не знаю, Пол! — Кэри отодвинулась к окну. — Что толку об этом говорить, если у нас ее нет? Сядь как следует.

Пол смиренно спустил ноги вниз и откинулся на сиденье, втянув щеки. Некоторое время он о чем-то озабоченно размышлял и наконец сказал:

— Но шишечку-то я захватил с собой...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОТЕРЯНА. И НАЙДЕНА

84

Прошло два года; тетка Беатриса умерла, дом продали, и ребята не смогли поехать в Мач-Френшэм снова.

Память о том лете стала тайной, о которой говорили редко, и никогда — с Полом.

— Понимаешь, он все выболтает, — объясняла Кэри. — Пусть лучше думает, что это сон...

Пол, например, мог выпалить при посторонних:

— Когда мы были в тюрьме...

И Кэри, краснея, поспешно его поправляла:

— Когда тебе снилось, что ты был в тюрьме, Пол!

Через некоторое время Пол вдруг начал путаться и, косясь на Кэри, изрекал что-нибудь вроде:

— Вчера, когда мне приснилось, что я за ужином съел яйцо...

— Но ты действительно съел яйцо за ужином, — напоминала мама.

— А-а, — впадал в задумчивость Пол. — А там был конный бал?

— Что за конный бал?

— Да каннибал, — быстро поясняла Кэри. — Нет, Пол. Это тебе приснилось. — И меняла тему разговора.

Даже для Чарльза те события перестали быть реальностью. Он занялся боксом, начал собирать марки, взялся за учебник латинского языка. А все остальное загнал на задворки своей памяти и сделал вид, что ничего подобного никогда не происходило.

Но... Подобные уловки редко удаются: рано или поздно в дело вмешивается Судьба, и прошлое возвращается в виде сногшибательной новости. Именно так оно и вернулось к Кэри и Чарльзу примерно два года спустя, холодным и скучным зимним утром, спрятавшись в ежедневной газете «Таймс».*

— Смотри, — произнесла Кэри слабым голосом.

С ложкой в руке она склонилась над колонкой объявлений.

Кэри и Чарльз были в комнате одни: их мама, миссис Уилсон, ушла на работу, а Пол еще не встал.

— Что такое? — спросил Чарльз.

Кэри сунула ему газету через стол.

— Вот, — сказала она и ткнула пальцем.

— Норковое пальто, — прочел он вслух, — почти новое...

— Нет, ниже.

— «О, эти бледные руки, сердце мое поет...».

— Да нет, вот здесь. «Леди с маленьким домиком...»

— «Леди с маленьким домиком в деревне готова принять двух школьников на летние каникулы. Плата умеренная. Наилучшие рекомендации. Обращаться к Э. Прайс, Мач-Френшэм...» — Чарльз помедлил.

* Самая знаменитая из английских газет — она основана еще в XVIII веке. Выходит каждый день.

— Ну, видишь теперь? — спросила Кэри.

Чарльз кивнул. Они помолчали.

— «Малые Ольшаники»? — спросил Чарльз. — Так назывался дом?

— Что-то в этом роде. Точно не припомню.

— В Мач-Френшэм может быть несколько людей с такой фамилией.

— Но Э. Прайс, — уточнила Кэри. — Мисс Прайс звали Эглантин.

— Да? — бледнея, переспросил Чарльз.

— Да. Эглантин Прайс, — подтвердила Кэри.

Ребята молча уставились друг на друга. Потом снова склонились над газетой.

— Здесь говорится только о двоих детях, — заметил Чарльз.

— Ну Пол-то может спать где угодно. Особенно, если она узнает, что это мы.

Оба пытались соображать изо всех сил. У всех работающих мам летние каникулы неизбежно становятся проблемой. В прошлом году Кэри, Чарльз и Пол ездили на ферму в Корнуолл и им там очень понравилось, так что, похоже, все шло к тому, что их отправят туда снова.

— Между прочим, Мач-Френшэм гораздо ближе к Лондону, — сказала Кэри. — Мама сможет приезжать повидаться с нами. А если мы ей скажем, что мисс Прайс была приятельницей тетки Бетрисы...

— Не совсем приятельницей.

— А помнишь персики?

Чарльз молчал.

— А как быть с шишечкой? — спросил он наконец.

— А что?

— Где она?

У Кэри вытянулось лицо.

— Не знаю, — задумалась она. — Где-нибудь должна быть.

— А с какой стати? Кучи вещей в этом доме пропадают неизвестно куда. Лучше опять поехать в Корнуолл, чем ехать к мисс Прайс без шишечки.

— Я тоже так думаю, — согласилась Кэри. — Там, по крайней мере, были пляжи... и пещеры, и скалы, по которым можно лазить... Я как-то видела ее в ящике для ножей.

— Сейчас ее там нет.

— Или это был ящик с инструментами?

— Да, она сто лет там валялась. А потом перестраивали стенной шкаф в детской, помнишь? Сейчас ее там тоже нет.

— Ну, не знаю, — сказала Кэри, — где-то я ее встречала, в какой-то коробке. Там еще были старые дверные ручки и шурупы...

— Старые дверные ручки? — Чарльз вскочил. — Я знаю, где они. В той матерчатой сумке, на гвозде в чулане...

Там она и оказалась — слегка заржавевшая и забрызганная побелкой. Чарльз и Кэри посчитали это «знаком».

Миссис Уилсон была озадачена. Бедфордшир вместо Корнуолла? И откуда это непонятное волнение по поводу ничем не примечательной незамужней леди? Она смутно догадывалась, что за этим кроется нечто большее, чем могло показаться с первого взгляда. Но на все свои вопросы миссис Уилсон получала самые удовлетворительные ответы.

Обменялись письмами, назначили встречу. Ребята слонялись по дому в мучительном ожидании. Но они напрасно волновались: за чаем и пирожными в кондитерской «Фуллерз» их мама позабыла все свои опасения, оказавшись во власти своеобразного обаяния мисс Прайс. Мисс Прайс держалась с достоин-

ством, но дружелюбно, сказала, что испытывает к ребятам глубокую симпатию и согласилась принять всех троих при условии, что они будут аккуратно обращаться с ее вещами и немного помогать по дому.

— Как чудесно! Как чудесно! — запела Кэри, услышав новость.

Она, напевая, закружилась по комнате, и даже Чарльз почувствовал потребность постоять на руках. Только Пол не проявил энтузиазма. Он сидел на коврик у камина и с любопытством за ними наблюдал.

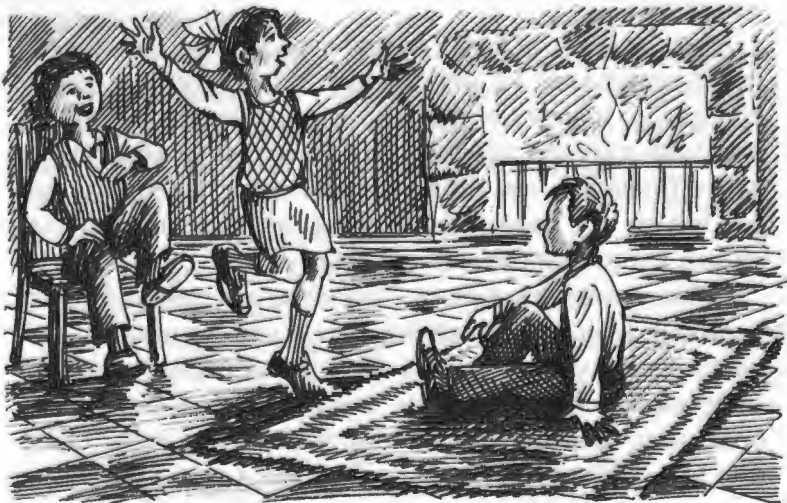
— Мы там будем спать? — вдруг спросил он.

Миссис Уилсон обернулась — он ответил ей невинным и послушным взглядом; но и того, и другого было в этом взгляде что-то чересчур.

— Ну да, Пол, — озадаченно ответила она, — конечно же, вы будете там спать... — И снова, по какой-то непонятной причине, миссис Уилсон почувствовала беспокойство. — А что?

Лицо Пола медленно-медленно расплылось в улыбке. Он отвернулся и начал выщипывать коврик.

— Так, ничего, — быстро проговорил он.

И СНОВА ПОТЕРЯНА...

Сначала ребятам показалось, что никто их не встречает. Но потом Кэри заметила в конце перрона повозку молочника.

— Идемте, — сказала она. — Вон мистер... Бисселтуэйт.

Она даже удивилась тому, как легко вспомнилось это имя. Мистер Бисселтуэйт, молочник... Ну, конечно.

— Она заказала две пинты* дополнительно, — сообщил мистер Бисселтуэйт, когда ребята забрались в повозку. — И сказала, что это для вас. Вырос, а? — прибавил он, кивая на Пола.

— Мы все выросли, — ответила Кэри.

Поезд ушел, на станции было тихо.

Трава у железнодорожных путей пахла клевером, высоко в небе пел жаворонок: «О, как чудесно вернуться в деревню!».

* 1 пинта — это примерно пол-литра.

Цок-цок-цок, стучал копытами пони. Запах лошади смешался с ароматом поля, и всюду — на север, юг, восток и запад — простиралась глубокая деревенская тишина.

— Вон Медников холм, — сказал Чарльз. Медников холм? Как странно возвращались эти названия. И римские развалины. — Гляди, Пол, вон что-то вроде стены, поросшей травой. Там когда-то была римская крепость.

Пол пребывал в блаженной полудреме, наваянной цоканьем копыт по твердой дороге, ритмичным колыханием пыльного пегого лошадиного крупы и быстрым, легким постукиванием колес. Холм казался ему одновременно далеким и совсем близким.

— Пол, вон там дом мисс Прайс, — сказала Кэри, — под тем холмом. Его еще не видно. А видишь эту дорожку? Она ведет к ферме... как ее?

— Ферме Лоубоди, — подсказал мистер Бисселтуэйт.

— Ферме Лоубоди. А там Дальний лес...

— Гляди, Пол, — вмешался Чарльз. — Видишь кедры? Те темные деревья за церковным шпилем? Ну вот, дом тети Беатрисы среди них. Там мы жили в прошлый раз.

— Он перешел во владение Управления водоснабжением, — сообщил мистер Бисселтуэйт.

— Да? — сказала Кэри. — Когда?

— Примерно через год после того, как умерла ваша тетя.

— Да? — повторила Кэри.

Она попыталась представить сумеречный старый дом без тетки Беатрисы; без высоких буфетов и тяжелых занавесей, ковров, столов, пальм в кадках, без...

— Мистер Бисселтуэйт! — неожиданно сказала она.

— А?

— А мебель тоже перешла к Управлению водоснабжением?

— Нет, мебель продали.

— Кому?

— Да было что-то вроде распродажи. Приезжали торговые агенты из Лондона. И деревня многое купила. Моя старуха приобрела рулон линолеума и пару стульев.

— Да... — протянула Кэри.

Так, значит, мебель продали. Кто-то неизвестный купил кровать Пола, спал на ней по ночам, застилал ее утром, разглаживая простыню, поправляя матрас...

— Все продали? — спросила Кэри. — Кровати и все остальное?

— Думаю, что все, — сказал мистер Бисселтуэйт. — Управлению водоснабжением кровати ни к чему. Тпру! — прикрикнул он, пуская пони шагом. — Узнаете?

Это был переулок мисс Прайс за садом тетки Бетрисы. Сердце Кэри забилось чаще, когда она увидела яркое облако вьющихся роз за изгородью из боярышника — тех самых, сорта «Дороти Перкинс», что росли по обеим сторонам калитки. Они стали гуще, выше, на них было больше бутонов, чем раньше. А вот и калитка с надписью «Малые ольшаники». Кэри взглянула на Чарльза. Похоже, и он волновался.

— Ну вот и приехали, — сказал мистер Бисселтуэйт, когда пони остановился. — Я вам помогу с багажом.

Калитка тихонько скрипнула, щелкнула задвижка. Как во сне, они прошли по прямой мощеной дорожке между цветочными грядками к парадной двери.

Дверь открылась прежде, чем ребята успели дотронуться до дверного молотка — и перед ними очутилась мисс Прайс. Просто поразительно — мисс Прайс! Свежая, улыбающаяся, с раскрасневшимся лицом.

— Я услышала калитку, — объяснила она, забирая у Кэри сумку. — Так, так, так. Это просто замечательно! Пол, осторожно на ступеньках, они только что вымыты.

Мисс Прайс была такой, какой они ее помнили, и все же в чем-то неуловимо изменилась, что, впрочем, и происходит обычно с людьми, которых долго не видишь. Но, взглянув на ее длинный розовый нос, Кэри вдруг успокоилась. Это был добрый нос, застенчивый нос, нос, на кончике которого однажды висела слезинка (так давно это, кажется, было); в общем, это была мисс Прайс.

Маленькую прихожую наполнял аромат горячих пшеничных лепешек. Мисс Прайс все время что-то говорила: «Минутку, сейчас я достану кошелек... Как ты вырос, Пол... Поставьте это, пожалуйста, сюда, мистер Бисселтуэйт, прямо рядом с часами... три шиллинга шесть пенсов отнять от десяти шиллингов будет... Пол, не трогай барометр, голубчик. Гвоздь потерялся... Так, дайте подумать...».

А потом мистер Бисселтуэйт ушел, парадную дверь закрыли, и все сели пить чай в столовой, большую часть которой занимал квадратный стол, так что стулья почти касались стен. К чаю были пшеничные лепешки, джем и мясной паштет. За окном,

сквозь кружевные занавески, виднелся Медников холм в золотой полуденной дымке, и Кэри вдруг почувствовала себя отдохнувшей, счастливой и умиротворенной.

После чая мисс Прайс показала ребятам их комнаты.

— Боюсь, что Полу придется спать на софе в моей спальне, — сказала она. — Понимаете, в объявлении я писала только о двух детях, но — она быстро улыбнулась им и сделала какое-то нервное движение своими тонкими руками — я и не думала... я даже не предполагала, что это окажется вы.

— Вы удивились? — спросила Кэри.

— Еще как. Видите ли, я не очень люблю незнакомых. Но я была вынуждена сдавать комнаты.

— Почему? — поинтересовался Пол.

— Жизнь дорожает, — неопределенно пояснила мисс Прайс. И в неожиданном порыве откровенности прибавила: — На самом деле, мне меняли водопроводную раковину в кухне. Нержавеющая сталь. А во сколько обошлись слесарные работы... ну, одним словом, вот так это все и было. Я думала, что через «Таймс» мне пришлют двоих хорошо воспитанных...

— И это оказались мы, — сказала Кэри.

— Да, — весело согласилась мисс Прайс, — это оказались вы. Если бы знать — прекрасно можно было бы обойтись без объявления. А теперь пора распаковывать чемоданы. Где вещи Пола?

— Большая часть у Чарльза, — ответила Кэри. — Мисс Прайс...

— Да?

— А можно посмотреть остальной дом?

Лицо мисс Прайс сразу стало напряженным. Она сложила ладони вместе и посмотрела на них.

— Ты имеешь в виду кухню и ванную?

— Я имею в виду... — Кэри. — Я имею в виду Ваш кабинет.

— Да, — подхватил Пол. — Можно нам посмотреть на чучело крокодила?

Мисс Прайс подняла глаза. Губы ее как-то странно дрогнули, но взгляд был абсолютно тверд.

— Там нет чучела крокодила.

— Он хочет сказать — аллигатора, — пояснил Чарльз.

— И аллигатора тоже.

Наступила неловкая пауза.

— Ой, — тихо сказала Кэри.

Мисс Прайс откашлялась.

— Я думаю, — произнесла она каким-то чужим голосом, — будет лучше, если вы все-таки увидите мой кабинет.

...Снова, через два долгих года ребята оказались в темном коридоре возле кухни; снова мисс Прайс вставляла ключ в хорошо смазанный замок и, словно в память о том, другом времени, сердце Кэри забилось чаще.

Мисс Прайс встала у двери.

— Входите, — мрачно пригласила она. — Входите, входите.

Аллигатора не было; не было ни карты Зодиака, ни учебников, ни глаз тритона; не было и коробочек, в которых могли оказаться сушеные мыши. Вместо этого, один над другим, возвышались ряды банок с консервированными овощами и фруктами, всех оттенков, от бледно-зеленого — крыжовника, до пунцового — соленой капусты.

— Ну как? — резко сказала мисс Прайс. — Преклестно, не правда ли?

— Да, — хрипло отозвалась Кэри.

Мисс Прайс провела пальцем по этикеткам:

— Яблочное повидло, помидоры, слива-венгерка, ежевика — ее очень хорошо смешивать с черной смородиной. Вы это знаете?

— Нет, — ответила Кэри. — Я не знала.

— Красная смородина, груши ломтиками, эстрагон маринованный, чатни из зеленых томатов... А это что? Ах, да — грибной кетчуп. Этикетка отклеилась.

Мисс Прайс посмотрела банку на свет.

— Некоторые остались с прошлого года, — пояснила она. — Красная смородина, настойка из ягод шиповника и еще логанберри — гибрид малины с ежевикой. — Она потеряла руки. — Ну как?

— Это... — Кэри нервно вздохнула. — Это очень мило.

Пол с несчастным видом смотрел на мисс Прайс округлившимися глазами.

— Где крокодил? — спросил он.

Мисс Прайс покраснела.

— Видишь ли, Пол, я...

Кэри поспешила прийти ей на помощь.

— Нельзя же хранить вещи всю жизнь, Пол. — Она взглянула на полки. — Только подумай о пудингах! О вкусных-превкусных пудингах!

— Видишь ли, Пол, — сказала мисс Прайс, уже мягче, — иногда люди что-то делают какое-то время, а потом бросают. Курить, например. Часто ведь бросают курить.

Пол был озадачен.

— И пить. Люди часто бросают пить.

Пол пришел в еще большее замешательство. Тогда мисс Прайс улыбнулась ему очень доброй улыбкой.

— Ты когда-нибудь бросал класть сахар в чай на время поста?

Пол заморгал.

— Да, но...

— Вот видишь, Пол, — робко перебила Кэри, — а мисс Прайс бросила аллигаторов. Идем.

И она потащила Пола к двери.

— Навсегда? — настаивал Пол.

Мисс Прайс кивнула.

— Или только на время поста? — уточнил Пол.

Мисс Прайс быстро на него взглянула. Странный это был взгляд, почти испуганный.

— Пост закончился, — неуверенно сказала она. Но потом взгляд ее снова стал твердым. — Нет, — продолжала мисс Прайс. — Навсегда, навсегда. Если уж что-то делаешь, нельзя останавливаться на полпути.

— Но ведь все хорошо в меру, — заметил Чарльз.

— Только не колдовство, — возразила мисс Прайс.

— Вы когда-то сказали: даже колдовство.

— Да? — спросила мисс Прайс. — Я действительно так говорила?

— Да, говорили, я хорошо помню.

— В самом деле? — задумчиво произнесла мисс Прайс. — Ну ладно. Как бы то ни было, пора идти. Пола надо укладывать спать. Осторожно, тут ступенька.

Пока Кэри купала Пола, Чарльз побрел в сад. Он прислонился к изгороди и уставился на Медников холм. Так значит, она бросила колдовать. Вот что по-

лучается, когда чего-то уж очень ждешь: скука и разочарование. Он подумал о Корнуолле: о ловле макрели, о скалах, пещерах, пляжах во время отлива. Ну ничего, сказал он себе, в конце концов, мы все равно в деревне. Есть река, может, даже найдется лодка... И тут что-то зашевелилось у него под ботинком. Это крот мягко рыл землю, собираясь выбраться на поверхность в том самом месте, куда Чарльз поставил ногу. В следующий миг Чарльз уже стоял на коленях, выдергивая пучки травы вместе с землей. Он раскапывал рыхлую землю обеими руками, по-собачьи отбрасывая в сторону, и не заметил Кэри, пока она не встала рядом.

— Ты что делаешь?

— Откапываю крота. — Чарльз присел на корточки. — Слушай, Кэри... — Он заглянул ей в лицо и осекся. — Что случилось?

— Идем, я хочу тебе кое-что показать.

— Дай мне сначала закончить с этим!

— Ты его уже не поймашь. — Кэри помедлила. — Важное дело.

— Ну что еще? — спросил Чарльз, привстав.

— Идем, увидишь.

Кэри повернулась и пошла к дому. Чарльз — за ней. У парадной двери он заметил:

— Могла бы и сказать...

Кэри резко повернулась кругом, приложив палец к губам.

— Ш-ш-ш, — прошептала она.

— Где мисс Прайс? — спросил Чарльз громким шепотом.

— Ш-ш-ш, — повторила Кэри. — На кухне. Готовит макароны с сыром. Идем.

Чарльз поднялся за нею по ступенькам.

— Здесь, — сказала Кэри. — Где Пол спит. — И распахнула дверь.

Это была спальня мисс Прайс. Очень чистая, очень аккуратная и очень душистая. Над камином висела большая фотография военного. На туалетном столике лежали серебряные щетки и стояло фарфоровое «деревце» для колец. Пол, непривычно чистый и круглоглазый, был уже в постели. Ему постелили на небольшой старинной кушетке с изогнутой спинкой.

— Ну и что, все в порядке, — сказал Чарльз.

— Что в порядке? — спросила Кэри.

— Кровать Пола.

— Я не его кровать имела в виду.

Чарльз посмотрел на кровать мисс Прайс. Она была застелена белым вышитым покрывалом, а на подушке лежала черная шелковая ночная сорочка — очень волнующая ночная сорочка, отделанная атласными шариками и чем-то напоминающая чехол на чайник.

— Вот бестолковый, — сказала Кэри. — Сама кровать.

Чарльз пригляделся: самая обыкновенная железная кровать, как сотни других. Только в головах, там, где полагалось быть второй шишечке, правый столбик заканчивался отрезком ржавой нарезки.

— Да-а, — протянул Чарльз и неожиданно для себя опустился на кушетку в ногах у Пола.

— Думаешь, это она? — с беспокойством спросила Кэри.

Чарльз откашлялся.

— Да. Да, это должна быть она.

— Таких кроватей полно. Она могла давно здесь стоять. Может, мисс Прайс купила ее тогда же, когда тетка Беатриса купила свою.

— Да, — сказал Чарльз. Он еще не пришел в себя после такого потрясения. — Но нарезка... Я думаю, что это она. Мисс Прайс, наверное, купила ее на распродаже. — Он повернулся к Кэри. — Это же легко проверить. Достань шишечку.

— В том-то и дело, — воскликнула Кэри, — шишечка исчезла!

— Исчезла?

— Да. Пока я купала Пола, мисс Прайс распаковывала вещи. Я все обыскала. Можешь сам посмотреть. Пропала.

— Это она ее взяла, — догадался Чарльз.

— Больше никому.

— Эх, — сказал Чарльз, и в голосе его прозвучали печаль и разочарование.

Пол хмуро глядел на них поверх своего аккуратно отвернутого одеяла.

ВЗЯВШИСЬ ЗА ГУЖ...

100

Да, они, выходит, приехали к шапочному разбору. Грех, конечно, было жаловаться на мисс Прайс. Она была внимательна и приветлива; она устроила для Пола замечательную постель на кушетке у себя в комнате; она придумала чудесные пикники в Пеппериндж-Ай, и на Ферме Лоубоди, и на римских развалинах; она читала ребятам на ночь и учила их играть в крокет. Но что толку во все этом, если она бросила колдовать!

Видно, все их волнение, все их планы оказались напрасными. Но однажды...

В обязанности Кэри входило расставлять у кроватей вычищенные ботинки. Примерно через неделю после приезда она забыла это сделать вечером и решила до завтрака пробраться на кухню и вынести оттуда ботинки Пола. Кэри не хотелось будить мисс Прайс. Для этого надо было осторожно проскользнуть в ее комнату и тихо поставить ботинки у кушетки, на которой спал Пол. И тут обнаружилось, что кровать мисс Прайс исчезла!

Тончайший слой пыли и пара стеганых тапочек отмечали то место, где ей полагалось бы стоять. Больше из вещей ничего не пропало. Кушетка Пола осталась в своем углу, его одежда аккуратно лежала на стуле, но вот самого Пола нигде не было видно.

Кэри кинулась звать Чарльза, и тот сонно приплелся за нею — посмотреть на пустую комнату. Они обсудили случившееся. В него верилось с трудом.

— Я же говорил, что это та самая кровать! — напомнил Чарльз. — Я узнал ее по ржавой нарезке.

— Но тайком от нас! — воскликнула Кэри. — Притвориться, что бросила колдовать, а потом взять и вытворить такое — у нас за спиной.

Одеваясь, Кэри сердилась все больше и больше. Она так яростно терла зубы щеткой, что до крови расцарапала десны. Она чуть не взорвалась, услышав стук в комнате мисс Прайс и бодрый голос Пола, спрашивающего, будет ли на завтрак малина.

Едва Кэри и Чарльз уселись за стол, как появилась мисс Прайс в сопровождении Пола. Мисс Прайс, подтянутая и аккуратная, как ни в чем не бывало, направилась прямо к плите, чтобы подать овсянку, а Пол бочком пробрался на свое место. Он, правда, забыл причесться и натянул майку задом наперед, но в целом тоже выглядел вполне обыкновенно. Когда мисс Прайс подошла к столу с кастрюлей, вид у нее был такой бодрый, словно она только что приняла холодный душ.

— Чудесный день, — весело сказала она. — Что мы намерены делать по этому случаю?

Лицо у Кэри стало каменным:

— Мы об этом еще не думали...

— Как насчет пикника на римских развалинах? — отважно предложили мисс Прайс.

— По-моему, вообще не стоит устраивать пикники на римских развалинах, — буркнула Кэри.

Мисс Прайс удивленно на нее взглянула и повернулась к Чарльзу.

— А ты что предлагаешь, Чарльз?

— А что будет делать Пол? — с подозрением спросил Чарльз.

Мисс Прайс немного растерялась.

— Видимо, пойдет с вами. Если только вы не собираетесь на римские развалины. Это далековато.

— Я считаю, — сказал Чарльз, — надо пойти туда, куда и Пол сможет пойти.

Мисс Прайс удивилась.

— Ну разумеется, так будет лучше. Я просто подумала... что иногда вы с Кэри предпочитаете быть сами по себе...

— Нет, — твердо сказала Кэри, — мы хотим, чтобы Пол был с нами. Всегда.

Мисс Прайс удивилась по-настоящему. И Пол тоже. Он замер, косо держа ложку с овсянкой, и молоко капало ему на майку.

— Пол! — резко окликнула мисс Прайс.

Пол опомнился и проглотил овсянку, а мисс Прайс вытирала капли.

— Ну что же, ребята, — сказала она после завтрака, — планируйте день сами. У меня уроки музыки, но к обеду я буду свободна. Пол, пожалуйста, иди в ванную.

Кэри и Чарльз дождались Пола в саду. Он возник почти внезапно, громко и немusыкально распевая: «Слушай! Ангелы поют». Быстро и молча Чарльз и Кэри схватили его с обеих сторон за руки и потащили сквозь изгородь на луг. Они отвели его подальше от дома и, не отпуская, усадили в высокую траву.

— Пол, — жестко сказала Кэри, великолепно подражая голосу тетки Беатрисы, — нет смысла увильивать. Мы с Чарльзом знаем все.

Ошарашенный Пол попытался высвободить руку.
— Вы с мисс Прайс улетали на кровати, — продолжала Кэри. — Врать бесполезно. Мы с Чарльзом видели.

— Видели, как мы улетали? — спросил Пол.

— Неважно, — огрызнулась Кэри.

Пол, чувствуя их настроение, сидел тихо. Он просто-напросто скучал, как пони в стойле.

— Ну? — настаивала Кэри. — Что скажешь?

Похоже, Полу нечего было сказать. Он шаркал по траве ногами и не проявлял никакого интереса к беседе.

— И часто вы так?

— Нет, — ответил Пол, — мы только попробовали.

— Вы в первый раз пробовали?

— Да.

— Получилось? — поинтересовался Чарльз.

Он был настроен более дружелюбно.

— Да.

Кэри отпустила запястье Пола.

— А куда вы летали?

Пол улыбнулся.

— Рассказывай, — не унималась Кэри, — мы должны выяснить.

— Угадай, — предложил Пол.

— Ну хорошо. Ты должен отвечать «да» или «нет».

— Это находится в западном полушарии? — спросил Чарльз.

— Нет.

— В восточном полушарии? — спросила Кэри.

— Нет.

— Ну, тогда такого места вообще не существует! — воскликнул Чарльз.

— Нет, существует, — возразил Пол.

— Значит, оно должно быть или в восточном, или в западном полушарии.

— Нет, — сказал Пол. — Это ни там, ни там.

— Он не знает, что такое полушарие, — предположил Чарльз.

— Нет знаю! — заупрямился Пол.

— И что же это такое?

— Ну... это значит... это не Блоудич.

— Так вы туда летали?

— Да.

— Только до Блоудича?

— Да.

— Но туда же можно дойти пешком, — удивился Чарльз.

— Мы же только проверить, действует или нет! — воскликнул Пол.

— Ты попросил мисс Прайс?

— Нет, это она меня попросила. Она сказала: «Давай ее чуть-чуть повернем. Не думаю, что волшебство еще действует».

— Заклинания не стареют, — сказала Кэри.

— Откуда ты знаешь? — спросил Чарльз.

— И так ясно.

Чарльз и Кэри долго молчали. Потом Кэри со вздохом сказала:

— Я, конечно, могу понять, как все произошло. Только, по-моему, это нечестно. И вообще несправедливо, что заклинание действует только у Пола.

— Это же его шишечка, — возразил Чарльз. — Жаловаться не стоит. Есть люди, которые все отдадут за волшебную шишечку, кто бы ее ни поворачивал.

— Да, — согласилась Кэри. — Но раз они летали, теперь наша очередь. Мисс Прайс пусть поступает как хочет, а мы никогда не говорили, что бросили колдовать.

— Не вижу, что тут можно сделать, — заметил Чарльз. — Кровать-то в комнате мисс Прайс.

Кэри перекинула косы за спину.

— Я просто пойду к мисс Прайс и прямо ей все выскажу.

Чарльз поглядел на нее недоверчиво, но с уважением.

— И вот еще что, — продолжала Кэри. — Помнишь, когда мисс Прайс заколдовывала шишечку, она сказала, что если повернуть ее в обратную сторону, кровать перенесет нас в прошлое? Ну и вот, я считаю, что она должна разрешить нам один раз съездить в прошлое. А тогда можно будет все это бросить... ненадолго. Хотя я лично не вижу смысла бросать колдовство. Мало ли для чего оно может пригодиться.

После ужина ребята предъявили мисс Прайс свои требования. Она выслушала все доводы, признала их справедливость, но то и дело всплескивала руками, приговаривая: «О Боже, о Боже!».

Ребята пытались ее переубедить; они были очень рассудительны и сдержанны.

— Всего один раз, мисс Прайс, и мы бросим. Обидно не побывать в прошлом.

— Я против, — повторяла мисс Прайс, — я решительно против! Если что-нибудь с вами случится, я не смогу вас выручить. Я сожгла книги.

— Нет! — в ужасе закричала Кэри.

— Да, да, я их сожгла, — расплакалась мисс Прайс. — Они были слишком секретны.

— А Вы что-нибудь помните наизусть?

— Ничего существенного. Одно-два несложных заклинания... О Господи, это все моя вина... Я только хотела проверить... просто из любопытства... действует ли заклинание... Я и представить себе не могла, что все начнется сначала...

— Ну пожалуйста, разрешите нам попробовать, мисс Прайс, — настаивала Кэри. — Всего разочек, и мы никогда больше не будем просить. Мы же сдержали слово, а Вы свое не держите, если не даете нам даже попробовать слетать в прошлое. Мы никому не сказали, что Вы ведьма, а теперь, раз Вы все равно не разрешаете нам использовать заклинание, получается, что мы могли бы и рассказать, какая разница...

— Кэри! — воскликнула мисс Прайс, вскакивая с места.

Глаза ее странно заблестели. Длинный тонкий нос неожиданно показался еще длиннее и тоньше, подбородок заострился. Кэри отпрянула.

— Ой, мисс Прайс, — нервно пробормотала она.

— Если бы я думала, — продолжала мисс Прайс, все ближе придвигая лицо к отступающей Кэри, — если бы я хоть на минуту подумала...

— Не надо, — взволнованно сказала Кэри, — мы никогда не расскажем. Никогда. Потому что мы обещали, и мы Вас любим. Но, — храбро прибавила она, — справедливость есть справедливость.

Мисс Прайс посмотрела на Кэри еще минуту-другую, а потом без сил опустилась на свой стул, уронив руки на колени ладонями кверху. Лицо ее стало вдруг усталым и печальным.

— В профессиональном отношении я ничего не стою, — сказала она. — Надо было заколдовать хорошенько всех троих и заставить вас замолчать раз и навсегда. — Она вздохнула. — А теперь слишком поздно.

Кэри нервно взяла безжизненную руку мисс Прайс в свои.

— Не волнуйтесь, — успокаивала она ее. — Правда, не стоит.

— И в профессиональном отношении Вы были великолепны! — от всего сердца воскликнул Чарльз.

— Ты и вправду так думаешь? — неуверенно спросила мисс Прайс.

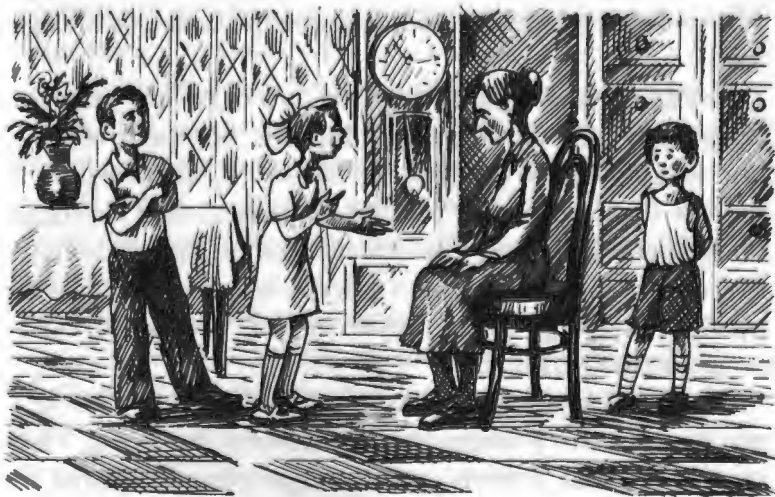
— Да, мисс Прайс, да, — заверила ее Кэри. — Не падайте духом. Вы моментально все вспомните, стоит только настроиться.

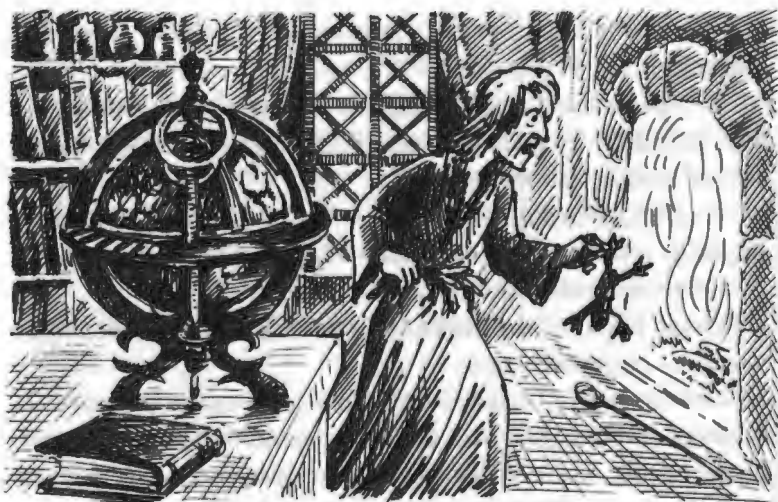
— Вы думаете, я смогу? — слабо спросила мисс Прайс. — Вы это не просто так говорите?

— Я это знаю, — кивнула Кэри.

Мисс Прайс пригладила волосы, словно опасаясь, что они растрепались.

— Надеюсь, что вы правы, — сказала она своим обычным голосом. — И, поскольку у вас уже есть некоторый опыт и вы обещаете, что поездка послужит вашему образованию, что вы примете все меры предосторожности и будете очень осмотрительны... я не нахожу — она посмотрела на ребят тяжелым взглядом, почти изучающе, и вздохнула, — что одно короткое путешествие в прошлое может кому-нибудь навредить.

ПРОШЛОЕ

108

В Лондоне, во времена короля Карла II, жил чернокнижник. Он жил в небольшом домике на Крипплгейт, в довольно просторной комнате, к которой вела длинная узкая лестница. Этот чернокнижник был очень нервным человеком и не любил дневного света. На то он имел две важные причины; я скажу вам первую.

Когда он был еще мальчиком, его отдали в ученики к другому чернокнижнику, старому, который обучил его колдовскому ремеслу. Старый чернокнижник в жизни был веселым, толстым человеком. Но когда приходили клиенты, он становился торжественным, как сова, а свою дородную фигуру облачал в длинную темную мантию, отделанную мехом, чтобы внушать почтение и трепет.

Молодой чернокнижник (имя его Эмилиус Джонс) все годы своего ученичества трудился в поте лица. Это он должен был ловить на кладбище кошек с десяти до

двенадцати часов холодными лунными ночами и бродить по пустынным берегам в сером рассвете в поисках семи белых камней разного размера, увлажненных последней волной отлива. Это ему приходилось толочь в ступке лекарственные травы и ползать по канавам за крысами.

А старый чернокнижник посиживал у огня, поставив ноги на скамеечку, потягивал подогретое вино с корицей и кивал, приговаривая: «Отлично, мой мальчик, отлично...».

Молодой чернокнижник часами работал при свече, изучая карту небес и разгадывая язык звезд. Он вертел звездный глобус на эбонитовой подставке до тех пор, пока ему не начинало казаться, что мозг его тоже вращается — вокруг собственной оси. Эмилиусу случалось лазить на колокольни за летучими мышами и красть из церкви свечное сало. А в знойные полуденные часы его могли отправить пешком за город, и он плелся по увядающему вереску, выискивая гадюк, слепозмеек и полосатых улиток.

Умирая, старый чернокнижник послал за своим помощником и сказал:

— Я должен тебе кое-что сообщить, мой мальчик.

Эмилиус зажал перепачканные руки между коленями и почтительно опустил усталые глаза.

— Да, сэр, — пробормотал он.

Старый чернокнижник поудобнее устроил голову в подушках.

— Это касается колдовства, — сказал он.

— Да, сэр, — рассудительно ответил Эмилиус.

Старый чернокнижник неторопливо улыбнулся, глядя в резной потолок.

— Это все ерунда.

Эмилиус испуганно поднял глаза.

— Вы хотите сказать... — начал он.

— Я хочу сказать то, что сказал, — спокойно ответил старый чернокнижник.

Когда Эмилиус немного пришел в себя от потрясения (полностью ему это так и не удалось), старый чернокнижник продолжал:

— Это просто доходное ремесло. Я содержал жену и пятерых дочерей в Дептфорде (куда меня понесут завтра), экипаж с четверкой лошадей, пятнадцать слуг, французского учителя музыки и барку на реке. Три дочери удачно вышли замуж. — Он вздохнул. — Твой бедный отец (царствие ему небесное) щедро заплатил мне за твое обучение; и если я бывал к тебе строг, так это из чувства долга перед тем, кого уж нет. Дела мои в порядке, семья обеспечена, так что клиентов и этот дом я оставляю тебе.

Он сложил руки на груди и умолк.

— Но я же ничего не знаю, — заикаясь, проговорил Эмилиус. — Приворотное зелье...

— Подкрашенная вода, — сказал старый чернокнижник усталым голосом.

— А предсказание будущего?

— Детская игра: если не вдаваться в подробности, все, что ни предскажешь, рано или поздно сбывается, а что не сбывается, то забывается. Всегда имей важный вид, комнату убирай не чаще раза в месяц, подучи латынь, смазывай глобус, чтобы он легко вращался, и да будет с тобой удача.

Это первая из причин, по которой Эмилиус был нервным человеком. А вторая — в том, что во времена доброго короля Карла было модно посылать ведьм, чародеев и всех, кого подозревали в колдовст-

ве, на виселицу. Так что стоило Эмилиусу допустить промашку или нажить врага — и он рисковал при участии недовольного клиента закончить жизнь в весьма душной и неуютной обстановке.

Может, Эмилиус и решился бы оставить эту работу, но все его наследство пошло на обучение колдовству, а характер у него был недостаточно сильным, чтобы начать жизнь сначала.

В 1666 году, в свои тридцать пять, Эмилиус выглядел не по годам старым — старым, худым и ужасно нервным. Он пугался мышинного писка, бледнел от лунного луча и вздрагивал, когда в дверь стучал слуга.

Если на лестнице раздавались шаги, он тут же начинал какое-нибудь несложное заклинание из тех, что помнил наизусть, чтобы произвести впечатление на клиента. В то же время он готов был в любую минуту сесть за клавикорды в случае, если посетитель окажется королевским соглядатаем, и притвориться мечтательным музыкантом, которому досталось в наследство жилище старого черно-книжника.

Однажды вечером, услышав шаги внизу, в узкой прихожей, Эмилиус вскочил со стула, на котором подремывал у огня (этими позднеавгустовскими ночами уже чувствовалось холодное дыхание осени), наступил на кота (испустившего душераздирающий вопль) и схватил двух сушеных лягушек и пучок белены. Он зажег фитиль, плавающий в плошке с маслом, посыпал его желтым порошком, чтобы горел синим пламенем, и поспешно, с трясущимися руками, произнес заклинание, одним глазом глядя на клавикорды, а другим на дверь.

В дверь робко постучали.

— Кто там? — крикнул Эмилиус, приготовившись выдуть синее пламя.

Послышались шепот и какое-то шарканье, потом голос, ясный и звонкий, как серебряный колокольчик, сказал:

— Трое заблудившихся детей.

Эмилиус растерялся. Он кинулся было к клавикордам, потом вернулся к синему пламени. В конце концов он остановился посредине, небрежно касаясь глобуса одной рукой и держа ноты в другой.

— Войдите, — сказал он мрачно.

Дверь отворилась; в дверном проеме, четко выделяясь на фоне темного коридора, стояли трое детей, странно одетых и ослепительно чистых. На них были длинные халаты, как на городских подмастерьях, но подпоясанные шелковыми шнурами, и чистота этих халатов в Лондоне XVII века казалась почти неземной. Кожа детей сияла, и трепещущие ноздри Эмилиуса уловили приятный аромат, напоминающий необычно острый запах свежих цветов.

Эмилиус задрожал. Ему захотелось присесть. Вместо этого он недоверчиво взглянул на то, что только что использовал для своего заклинания. Неужели это все сушеные лягушки и пучок белены? Он попытался повторить бессвязную латинскую фразу, которую только что произнес над ними.

— Мы заблудились, — сказала девочка, по-иностранному четко выговаривая слова. — Мы увидели у вас свет, дверь на улицу была открыта, вот мы и вошли узнать дорогу.

— Куда? — дрожащим голосом спросил Эмилиус.

— Все равно куда, — ответила девочка. — Мы совершенно не представляем себе, где мы.

Эмилиус откашлялся.

— Вы на Крипплгейт, — выдавил он.

— Крипплгейт? — удивилась девочка. — В Лондоне?

— Да, в Лондоне, — прошептал Эмилиус, бочком отодвигаясь к камину.

Откуда они явились, если не знают, что они в Лондоне.

Вперед выступил мальчик постарше.

— Простите, — очень вежливо сказал он, — может быть, Вы подскажете, в каком мы веке?

Эмилиус вскинул к лицу трясущиеся руки, словно пытался отогнать кошмарное видение.

— Уходите, — взмолился он срывающимся от волнения голосом, — уходите туда, откуда пришли.

Девочка порозовела и захлопала ресницами. Она оглядела темную захлавленную комнату с желтоватыми пергаментами, стеклянными флаконами, черепом на столе и освещенными свечой клавирами.

— Извините, если мы Вас побеспокоили, — сказала она.

Эмилиус бросился к столу, схватил плошку с маслом, двух лягушек, спутавшуюся белену и с проклятием швырнул в огонь. Они зашипели и вспыхнули. Глядя на пламя, Эмилиус потирал пальцы, как будто стряхивая с них невидимую грязь. Потом он обернулся, и снова глаза его расширились так, что показались белки.

— Все еще здесь?! — хрипло воскликнул он.

Девочка быстро-быстро заморгала.

— Мы сейчас уйдем, — пообещала она. — Только скажите нам, какой это год...

— 27 августа, 1666 год от Рождества Христова.

— 1666, — повторил старший мальчик. — Король Карл II...

— Через неделю будет Лондонский пожар*, — радостно сказала девочка.

Мальчик тоже просиял.

— Крипплгейт? — взволнованно переспросил он. — Этот дом, наверное, сгорит. Пожар начнется у королевского пекаря, на Пудинг-Лейн, и будет распространяться по Рыбной улице...

Эмилиус бросился на колени и молитвенно сложил руки. Лицо его искажилось.

— Заклинаю вас, — вскричал он, — уходите, уходите... уходите...

Девочка посмотрела на него и вдруг улыбнулась очень доброй улыбкой.

— Мы Вам не сделаем ничего плохого, — сказала она, подходя к Эмилиусу. — Мы обыкновенные дети, вот — потрогайте мою руку.

Девочка дотронулась до сложенных в мольбе пальцев Эмилиуса. Ладонка ее была мягкой, теплой — человеческой.

— Мы обыкновенные дети, — повторила девочка и прибавила: — Из будущего.

И улыбнулась своим спутникам.

— Да, — подтвердил старший мальчик, очень довольный. — Так оно и есть, именно дети из будущего.

— Это все? — слабо проговорил Эмилиус.

Он поднялся на ноги. В голосе его чувствовалась горечь. Он был потрясен.

На этот раз вперед выступил младший ребенок, золотоволосый, с ангельским личиком.

* В 1666 г. в Лондоне был такой сильный пожар, что сгорела половина города. Он вошел в историю под названием Великого Лондонского пожара.

— Можно мне посмотреть чучело аллигатора? — вежливо спросил он.

Эмилиус снял с крюка под потолком чучело аллигатора и, не говоря ни слова, положил на стол. Потом опустился на стул у огня. Его познабливало, как при простуде.

— Что еще надвигается на нас, кроме пожара, от которого сгорит этот дом? — мрачно спросил он.

Девочка села на скамеечку напротив него.

— Мы не очень-то сильны в истории, — сказала она в своей странной манере. — Но, по-моему, Вашего короля казнят.

— Казнят Карла I, — вмешался в разговор старший мальчик.

— А, да, — спохватилась девочка. — Простите. Мы можем вернуться и все выяснить.

— Не утруждайте себя, — хмуро отозвался Эмилиус.

Он с несчастным видом смотрел на разбитую плошку, почерневшую от горящего масла. Старый чернокнижник вдвойне обманул его, потому что он, Эмилиус, по чистой случайности все-таки обнаружил действующее заклинание. Эти дети казались еще сравнительно безобидными, но другой состав, собранный наспех, таким же безответственным образом, способен породить что угодно — от оравы бесенят до самого Сатаны.

А главное, неизвестно, как от них избавляться. Что бы ни явилось, явится для того, чтобы остаться. Никогда больше он не будет чувствовать себя в безопасности. Никогда больше не решится, бормоча проклятья, бросить в огонь серу; никогда не отважится варить «супы» из лягушачьей икры и наперстянки, и никогда вращение небесного глобуса не

обернется головокружительным вихрем пророчеств. Клиенты заметят его неуверенность. Его практика придет в упадок. Его жертвы ополчатся на него. И тогда придется бежать, спрятаться в какой-нибудь грязной лачуге или в наводненном крысами подвале, иначе — тюрьма, позорный столб, лошадиный пруд или веревка!

Эмилиус застонал и схватился за голову.

— Вы не очень хорошо себя чувствуете? — участливо спросила девочка.

Эмилиус подтолкнул полено подальше в огонь и посмотрел на ее доброе личико.

— Дитя... — сказал он удивленно. — Я никогда не знал, — он печально понизил голос, — что значит быть ребенком.

— Но вы же должны были знать! — рассудительно возразил старший мальчик.

— Вы всегда жили в городе? — спросила девочка.

— Нет, — ответил Эмилиус, — я жил в деревне. Мне следовало сказать, — продолжал он, — что я позабыл, как это — быть ребенком.

— Ну, так Вы уже довольно старый, — утешил его старший мальчик.

Эмилиус был уязвлен.

— Тридцать пять лет! — воскликнул он.

— У Вас была тяжелая жизнь? — спросила девочка.

Эмилиус поднял глаза. Тяжелая жизнь. «Вот! — подумал он. — У меня была тяжелая жизнь». Неожиданно ему очень захотелось рассказать о своей жизни. Годы бесплодного труда, опасности, связанные с его профессией, одиночество. Он мог, ничем не рискуя, разговаривать с этими странными детьми: если удастся найти нужное заклинание, они снова ис-

чезнут в будущем. Эмилиус подтянул свою отделанную мехом мантию к коленям, подальше от огня; под ней оказались грубые желтые чулки, которые морщились у него на ногах.

— Немного найдется жизней, — начал он довольно мрачно, но так, словно в дальнейшем предполагал смягчить тон, — тяжелее моей...

И Эмилиус в витиеватых выражениях поведал ребятам о своем детстве — детстве, которое он, по его словам, позабыл: о том, как его с малолетства посылали собирать лекарственные травы; о Майском празднике*; о том, как его побили за то, что он стащил засахаренные сливы; о том, как он ненавидел спрягать латинские глаголы и носил бумажный колпак за свою латынь**. Затем он перешел к годам ученичества в Лондоне и рассказал о невзгодах и разочарованиях; о том, как страшно было начинать самостоятельную практику; о том ужасе, в котором он постоянно жил, и о людях, не желающих платить по счету.

117

Пока ребята слушали, на свечах выросли длинные восковые мантии и огонь почти потух. Они были так поглощены рассказом, что не слышали, как выкрикивал время часовой, и не заметили, что за занавесями уже рассвет.

* Старинный праздник, который отмечали в первое воскресенье мая. В этот день танцевали вокруг майского дерева (его роль выполнял столб, украшенный цветами, лентами и разноцветными флажками), а самую красивую девушку выбирали королевой мая и короновали венком из цветов.

** Такие колпаки в школах XVII века надевали ленивым ученикам в виде наказания.

— Да, — со вздохом заключил Эмилиус, — честолюбие моего отца обернулось гибелью для его сына. Я, по правде говоря, скопил немного золота, но мне суждено остаться обычным коновалом в долине Пеппериндж-Ай.

— Пеппериндж-Ай! — воскликнула девочка. — Это недалеко от нас.

— В Бедфордшире, — продолжал Эмилиус, все еще погруженный в прошлое.

— Да. Возле Мач-Френшэм.

— Мач-Френшэм, — проговорил Эмилиус. — Базарный день в Мач-Френшэм... Какое там шло веселье!

— Все так и осталось, — взволнованно сказала девочка. — Там, по-моему, много новых домов, но главная дорога к ним не идет, так как что все не слишком изменилось.

Они стали обмениваться впечатлениями. Эмилиус, оказывается, купался в их ручье и тоже бродил по короткой траве на римских развалинах, а Ферма Лубоди все так же называлась Фермой Лоубоди...

— Пять часов! — выкрикнул часовой, проходя под окном. — Прекрасная, ясная, ветреная погода!

Они отдернули занавеси. Темная комната съежилась от яркого света, и золотые пылинки заплясали в солнечных лучах.

— Как бы мне хотелось, чтобы Вы поехали в Пеппериндж-Ай и посмотрели, как там сейчас! — воскликнула девочка.

И ребята, в свою очередь, рассказали Эмилиусу о себе и о волшебной кровати. Они рассказали, что оставили кровать неподалеку от дома, на церковном кладбище. И тут ребята вспомнили о привязанной к прутьям корзинке с бутербродами и о термосе с горя-

чим какао. Тогда Эмилиус принес из кладовки кувшин меда и две холодных жареных заячьих ноги. Он испытал огромное облегчение, узнав, что вовсе не его заклинание вызвало этих детей из загадочного будущего, и ему не терпелось пойти с ними на кладбище и поглядеть на кровать.

...Ворота были открыты, кровать стояла за самым большим надгробием, в целости и сохранности, корзинка надежно привязана снизу.

Именно там, на кладбище, они устроили ранний завтрак. Вокруг рыскали голодные кошки, а город медленно просыпался навстречу грохоту и лязгу нового дня семнадцатого столетия. И именно там, не называя ее имени, ребята рассказали о мисс Прайс.

ГОСТЬ

120

Пока ребят не было, мисс Прайс спала в комнате Кэри. Но это только так говорится: спала. На самом деле ей не спалось. Справедливость, о которой говорила Кэри, оказалась слишком сложным понятием: то, что справедливо по отношению к детям, едва ли справедливо по отношению к их родителям. К тому же путешествие в прошлое невозможно было хоть сколько-нибудь спланировать. Они сначала посмотрели, сколько раз можно повернуть шишечку, а потом на глаз рассчитали период. Все очень грубо и наспех, потому что ни мисс Прайс, ни ребята не знали, какой временной период способна покрыть кровать — от сотворения мира, или же это только история Англии, начиная с 1066 года. Они исходили из второго. Ребята собирались во времена королевы Елизаветы I, но одному Богу известно, куда они попали на самом деле.

Конечно, мисс Прайс постаралась принять все возможные меры предосторожности. Одеядо и постельное белье были аккуратно сложены и убраны, матрас покрыт водонепроницаемой пленкой. Мисс Прайс дала ребятам с собой термос с горячим какао, хлеб, сыр и тройку сваренных вкрутую яиц. Она снабдила их атласом и аптечкой. Может, надо было их вооружить? Но чем? В доме не было никакого оружия, если не считать кочерги и сабли отца мисс Прайс.

— О Боже, — бормотала она, ворочаясь в кровати Кэри. — Если только они вернутся живыми, это будет самое последнее путешествие.

Только под утро мисс Прайс забылась тяжелым сном. Ее разбудил скрип открывшейся двери. Яркий солнечный свет лился потоком сквозь неплотно задернутые занавески, а в ногах у нее стояла Кэри.

— Который час? — спросила мисс Прайс, резко садясь в кровати.

— Скоро девять. Мальчики оделись. Я не хотела Вас будить.

— Слава Богу, что вы вернулись живыми! — воскликнула мисс Прайс. — Вы все мне потом расскажете. Завтрак готов?

— Да, мальчики уже сели. Но... — Кэри колебалась.

Мисс Прайс, которая в этот момент нащупывала босыми ногами тапочки, взглянула на нее:

— Но что?

— Нужен еще один прибор, — сказала Кэри, явно испытывая неловкость.

— Еще один прибор?

— Да... Я... мы... Понимаете, мы кое-кого с собой привезли.

— Вы кое-кого с собой привезли? — медленно повторила мисс Прайс.

— Да... Мы подумали, что Вы не будете против. Всего на денек. Ему не нужно ни ночевать, ничего.

Кэри смотрела на мисс Прайс умоляюще, и щеки ее становились все розовее и розовее.

— Ему?!

— Его зовут Эмилиус Джонс. Мистер Джонс. Он чернокнижник, ужасно милый, честное слово.

— Мистер Джонс! — эхом откликнулась мисс Прайс.

У нее в доме не останавливались мужчины с тех пор, как умер ее отец, а это было так давно, что не хотелось и вспоминать. Она позабыла все их привычки и позабыла, что они едят и о чем любят говорить.

— Кто он, ты сказала? — спросила мисс Прайс.

— Простой чернокнижник. Он когда-то жил поблизости, с тетей. Мы подумали, что у Вас найдется много общего.

— А кто повезет его обратно? — нахмурилась мисс Прайс. — Нет, Кэри, это совершенно безрасудно с твоей стороны. Я решила, что это путешествие кровати будет последним. А вы подбираете незнакомых чернокнижников, хотя прекрасно знаете, что их надо отвозить домой, а это означает еще одну поездку. — Она сунула ноги в тапочки. — Где он, ты говоришь?

— У Вас в спальне, — сказала Кэри. — На кровати.

Мисс Прайс была шокирована.

— О Боже! Только этого еще не хватало. — Она сунула руки в рукава голубого фланелевого халата. — Как я буду одеваться и причесываться, и вообще? Кэри, я недовольна!

Мисс Прайс раздраженно дернула шнур, завязывая халат.

— Тебе придется отвести его вниз завтракать, а я увижусь с ним позже.

Эмилиус смиренно шел за Кэри по лестнице, робко озираясь по сторонам. Вид у него был изумленный. Усаживаясь за стол, он слегка покачнулся в сторону Пола, успевшего съесть половину своей овсянки.

— Что с Вами, мистер Джонс? — заволновалась Кэри.

— Ничего, все в порядке.

— Вы такой бледный.

Эмилиус неуверенно провел рукой по растрепанным волосам.

— Просто удивлен немного, — сказал он, слабо улыбаясь.

Кэри смотрела на Эмилиуса с тревогой: она думала о мисс Прайс и начинала сомневаться, сможет ли он произвести нужное впечатление. При ярком дневном свете Эмилиуса трудно было назвать чистым: спутанные волосы клочьям висели над ушами, бледная кожа имела сероватый оттенок. Длинные тонкие руки оказались грязными, под ногтями чернели полоски. Дорогой бархат его отороченной мехом мантии весь был чем-то заляпан, и при движении от него пахло стряпней.

Времени на то, чтобы что-либо предпринять, не оставалось: на кухню поспешно вошла мисс Прайс —

в лучшей своей розовой блузке, которую берегла для поездок в Лондон. Кэри показалось, что она волнуется. Эмилиус поднялся ей навстречу — худой и длинный, он навис над столом.

Одним быстрым взглядом мисс Прайс оценила его внешний вид.

— Итак, это мистер Джонс? — приветливо сказала она, ни к кому в отдельности не обращаясь.

— Эмилиус Джонс. Ваш слуга, мадам. Нет, — он склонился в глубоком поклоне, — Ваш раб...

— Как поживаете? — поспешно встала мисс Прайс.

— ...почитающий за честь, — настаивал Эмилиус, — поднять взор на ту, чье загадочное искусство проникает сквозь века подобно растению, которое простирает корни свои во мраке земли и вбирает питательные соки, выбрасывая побег и стебель и покрываясь листвой, чтобы, наконец, предстать во всем великолепии цветения, ослепляя благоговейный взор того, кто осмелится усомниться...

Мисс Прайс, слегка покраснев, двинулась к своему месту рядом с заварным чайником.

— Ах, оставьте! — воскликнула она с коротким смешком. — Я бы так не сказала. Вы добавляете сахар и молоко?

— Вы так щедры! — вскричал Эмилиус, зачарованно глядя на мисс Прайс.

— Ну что Вы. Садитесь же.

Эмилиус в изумлении опустился на стул, не сводя с нее глаз. Мисс Прайс, поджав губы, налила две чашки чая. Передавая чашку Эмилиусу, она сказала светским тоном:

— Я слышала, у Вас тетя в этих краях.

— И дом, — поспешно встала Кэри, чтобы утвердить Эмилиуса в глазах мисс Прайс как человека состоятельного; она чувствовала, что это упрочит его положение. — Во всяком случае, дом будет его. На холме Медника.

— В самом деле? — В голосе мисс Прайс прозвучало сомнение. Она взяла вареное яйцо и принялась задумчиво очищать его от скорлупы. — Разве на холме Медника есть дом?

— Разумеется, — заверил ее Эмилиус, — хорошенький опрятный домик с яблоневым садом.

— В самом деле? — уклончиво повторила мисс Прайс и, вспомнив о хороших манерах, прибавила: — Овсянку, кукурузные хлопья или хрустящий рис?

Эмилиус выбрал овсянку. Он оказался шумным едоком и к тому же не слишком аккуратным. Когда Эмилиус осушил чашку чая в несколько больших глотков, как лекарство, мисс Прайс, плотно сжала губы и взглянула на Пола.

— Лучше бы тебе выйти из-за стола, голубчик.

— Я еще не закончил, — недовольно ответил Пол.

— Тогда ешь. Быстро.

Пол охотно последовал ее совету и начал чавкать, подражая Эмилиусу. Мисс Прайс, пряча лицо, изящно зачерпнула ложкой вареное яйцо и, прикрыв глаза, очень медленно его просмаковала. «О Боже!» — подумала Кэри. Ей этот знак был хорошо известен. Она покосилась на Эмилиуса, который, очистив одно яйцо и отправив его в рот целиком, тянулся за другим. Отрешенно, в глубокой задумчивости, он ободрал скорлупу и неожиданно громко икнул.

Мисс Прайс открыла глаза, но не переменяла выражения лица.

— Еще чаю, мистер Джонс? — мягко спросила она.

Эмилиус взглянул на нее.

— Ничего, все в порядке. — И, подумав, что озадачил их, поспешно прибавил: — Но эта настойка великолепна. Лучше не бывает. И, говорят, помогает при падучей болезни.

— Да? — отозвалась мисс Прайс. И, поколебавшись, предложила: — Может быть, гренки и мармелад?

— Мармелад?

— Это такое варенье из апельсинов.

— А, да, конечно! — воскликнул Эмилиус. — Я его обожаю.

Он взял стеклянное граненое блюдо и неторопливо очистил его при помощи десертной ложки. Пол зачарованно таращил на него глаза, раскрыв рот.

— Вылезай из-за стола, Пол, — поспешно сказала мисс Прайс, когда тот уже готов был заговорить, и снова вежливо повернулась к Эмилиусу, который расслабленно откинулся на стуле и облизывал ложку. — Ребята говорят, что вы интересуетесь колдовством?

Эмилиус — само внимание и учтивость — немедленно положил ложку.

— Да, это так. Это, можно сказать, мое призвание.

— Вы работаете за деньги?

Эмилиус улыбнулся, слегка пожав плечами.

— За что же еще?

Мисс Прайс неожиданно взволновалась.

— Я не знаю. Видите ли... — Она порозовела до корней волос. — Настоящий профессионал! Я, по сути дела, ни разу еще не встречала...

— Нет?

— Нет. — Мисс Прайс пыталась подобрать слова. — Понимаете... Я хочу сказать... — Она глубоко вздохнула. — Это настоящее событие.

Эмилиус уставился на нее.

— Но Вы, мадам, разве Вы не работаете за деньги?

— Я? О Боже, нет, конечно. — Мисс Прайс взялась наливать вторую чашку чая. — Я всего лишь любитель, самый что ни на есть начинающий.

— Самый что ни на есть начинающий... — повторил Эмилиус и поглядел на нее с еще большим удивлением. — В таком случае, если я правильно понимаю, это не Вы, мадам, заставили кровать летать?

— А... шишечка? Да, я. Но знаете... — Мисс Прайс засмеялась, немного принужденно, расплывая чай, — на самом деле, это было несложно: я все делала по книге.

— Вы все делали по книге, — ошеломленно повторил Эмилиус.

Он вытащил зубочистку из слоновой кости и принялся обеспокоенно ковырять в зубах.

— Да. — (Кэри почувствовала себя спокойнее: теперь мисс Прайс говорила чуть не лепечущим голосом.) — Мне все приходится сверять. Я ничего не могу придумать сама. Мне бы очень хотелось изобре-сти заклинание. Это было бы стоящим делом, правда? Но как-то все... — Она пожала плечами. — А Вы, позвольте узнать, — продолжала мисс Прайс, почти-тельно понизив голос, — много изобрели?

На какое-то мгновение Эмилиус в панике встретился глазами с Кэри и тут же отвел взгляд.

— Нет, нет, — запротестовал он, но, видя выражение лица мисс Прайс, скромно прибавил: — Ничего существенного.

Эмилиус затравленно огляделся и увидел небольшое пианино.

— Странный инструмент, — заметил он, стараясь поскорее переменить тему разговора.

Мисс Прайс встала и подошла к пианино.

— Ничего странного, — объяснила она. — Это «Блютнер». — И так как Эмилиус шел за ней, подняла крышку клавиатуры. — Вы играете?

— Немного.

Эмилиус сел на табуретку и, полуприкрыв глаза, взял несколько нот, словно прислушиваясь к тону. Потом кивнул, взмахнул руками и с ходу исполнил пьеску Вильяма Берда. Он играл с большим чувством и мастерством опытного исполнителя — и так, будто пианино было клавесином. На мисс Прайс его игра, похоже, произвела впечатление.

— Очень мило, — сдержанно похвалила она.

И, быстро взглянув на часы, пошла убирать со стола.

— Это было чудесно! — восхитилась Кэри, вскакивая из-за стола, чтобы помочь мисс Прайс. — Сыграйте еще что-нибудь.

Эмилиус обратился к ней с застенчивой улыбкой.

— Сэпэ лабат эквуус дефессус*, — объяснил он, глядя на мисс Прайс.

Мисс Прайс посмотрела на него без выражения.

— Да, вполне, — неуверенно согласилась она.

* Это по-латыни.

— Или, возможно, — продолжал Эмилиус, — правильное будет сказать: «Мира нимиа окулос инебринт»?*

— Ну уж это как Вам больше нравится, — отозвалась мисс Прайс с легким смешком и загремела тарелками, сделав вид, что занята.

— По-моему, — неуверенно предположил Чарльз, подходя к ней, — он хочет сказать, что устал.

Мисс Прайс вспыхнула и немедленно стала воплощением заботы и участия.

— О Боже... ну конечно... как глупо с моей стороны! Чарльз, голубчик, поставь стул для мистера Джонса под шелковицей, там он сможет спокойно отдохнуть... — Она оглядела комнату. — А мы должны найти ему что-нибудь почитать. Где «Дейли Телеграф»?**

«Телеграф» не нашли, но зато обнаружили книгу под названием «Английская история для маленького Артура».

— Может, ему подойдет? Это даже лучше, — уверял Чарльз. — Я хочу сказать, что мистер Джонс найдет там для себя много нового, начиная с седьмой главы.

* Это тоже по-латыни. Во времена Эмилиуса было бесполезно вернуть в разговоре какую-нибудь латинскую фразу: во-первых, вас начинали считать человеком образованным; во-вторых, если собеседник латыни не знал, эта фраза производила на него большое впечатление своей непонятностью и торжественным звучанием.

** «Дейли Телеграф» — английская ежедневная газета.

В сад вышли через черный ход, чтобы показать Эмилиусу кухню. Удивленный и очарованный, он искренне восхищался каждой вещью — электроплиткой, пластмассовым подносом для посуды, раковины из нержавеющей стали, облекая свое восхищение в странные, поэтические фразы. У мисс Прайс был очень довольный вид.

— Я не могу позволить себе холодильник — во всяком случае пока, — говорила она, любовно проводя рукой по блестящей поверхности раковины. — Но это замечательно в своем роде, Вы не находите? Сорок три фунта, семь шиллингов и десять пенсов, включая установку. Однако, в конце концов, она того стоит, не правда ли?

И все же только в саду Эмилиус оказался в своей стихии. Его познания в растениях поразили даже мисс Прайс, а он рассказывал ей о все новых и новых свойствах самых, казалось бы, обыкновенных трав. Посыльный мистера Бисселтуэйта, развозивший молоко, даже перестал насвистывать, глаза на Эмилиуса. Чернокнижник, подметая лужайку своей длинной бархатной мантией, встретил его взгляд с мрачным достоинством. Свист возобновился, и мальчишка отмерил две пинты со своей обычной грубостью.

Чуть позже, оставив гостя в тени шелковицы читать о том, что должно произойти в его будущем, Чарльз и Кэри разыскали мисс Прайс. Она была у себя в спальне.

— Мисс Прайс, — прошептала Кэри, словно Эмилиус мог ее услышать, — он вам нравится?

Мисс Прайс, застилавшая кровать, замерла с простыней в руках.

— В нем что-то есть, — сдержанно согласилась она.

— Только подумайте, мисс Прайс, — продолжила Кэри, — сколько Вы с ним могли бы обсудить. Вы ведь даже не начинали...

Мисс Прайс наморщила лоб.

— Такой возможности может больше не представиться, — заметил Чарльз.

Мисс Прайс обернулась и вдруг присела на краешек кровати.

— Лучше я буду говорить откровенно, — твердо объявила она. — Он может остаться только при одном условии.

— При каком? — заволновались Кэри и Чарльз.

Кончик носа мисс Прайс заметно порозовел.

— Его надо уговорить как следует вымыться и постричь. А его одежду следует отправить в чистку.

— А что он будет носить?

— Есть старый костюм моего отца, и... да, еще кое-какие вещи в чемодане, — задумчиво сказала мисс Прайс.

Кэри и мисс Прайс не присутствовали при том, как Чарльз уламывал Эмилиуса, но звук голосов врывался в открытое окно по неподвижному летнему воздуху. Голос Чарльз доносился издали монотонным бормотанием, Эмилиус говорил повышенным тоном. Переговоры под шелковицей все тянулись и тянулись, прерываясь несколько раз глубокими паузами, и Кэри понимала, что дело продвигается нелегко. Наконец сквозь зеленую дымку листьев она увидела, что Эмилиус встает. Отходя от окна, Кэри успела услышать его последнюю отговорку:

— Да будет так, если таков обычай, — срывающимся голосом заявил он, — но мой дядя из-за этого скончался от лихорадки.

Приготовление к омовению Эмилиуса напоминали торжественную церемонию. Мисс Прайс вытаскивала самое мягкое и пушистое купальное полотенце и чистое хлопчатобумажное кимоно с россыпью вышитых цветочков на спине. Кэри наполнила ванну водой приятной температуры, расстелила на полу коврик и прикрыла окно. Эмилиуса ввели в ванную, и Чарльз объяснил ему, как обращаться с краном.

Он купался долго. Ребята ходили по дому на цыпочках, в нервном возбуждении, словно наверху шла серьезная операция.

Через некоторое время они услышали, как Эмилиус включает то горячую, то холодную воду и, чуть фальшивя, напевает шекспировскую песенку.

— Ему нравится, — догадался Чарльз.

Вымытый Эмилиус помолодел лет на десять. А в костюме и ботинках с пряжками обнаружилась некая старомодная оригинальность. Костюм пришелся как раз впору, и Кэри догадалась, что отец мисс Прайс был таким же худым и угловатым, как и она сама. Мягкие, мышиного цвета волосы в беспорядке падали Эмилиусу на лоб и в сочетании с его новым одеянием придавали ему весьма романтический вид.

Мисс Прайс внимательно и критически его оглядела и, кажется, осталась им довольна. Она взяла ножницы и расческу и слегка подравнивала волосы у него на затылке.

— Так значительно лучше, — причесав Эмилиуса, сказала она — сказала просто и гордо, будто лично его изобрела. — А теперь посмотрим ваши ногти...

Эмилиус смиренно позволял делать с собой все: поворачивать, повязывать галстук, поправлять воротничок; он как бы отдавал дань почтения искусному мастерству хозяйки — той, которой виднее, что делать.

Вместо чая решили устроить пикник и полями провести гостя в Пеппериндж-Ай. По дороге Эмилиус с блестящими глазами называл каждое поле или лес, и даже у мисс Прайс был непривычно растроганный вид. Но отцовский дом в Пеппериндж-Ай Эмилиус отыскать не смог. Ему казалось, что тот стоял на месте теперешнего дома священника. Потом все настояли на том, чтобы пойти на кладбище — посмотреть, а вдруг Эмилиус там похоронен. Но оказалось, что нет — во всяком случае, ему не удалось найти собственную могилу. Зато он обнаружил могилу своей тети, Сары Энн Ховдэй, и, считив лишайник с почти стершейся надписи надгробия, прочел, к своему удивлению, что тетя скончалась 27 августа 1666 года, в тот самый день — это, кажется, было вчера? — когда у него в комнате появились ребята.

— О Господи, — расстроилась мисс Прайс. — Мне очень жаль. Может, лучше вернуться домой...

— Нет, — мрачно ответил Эмилиус. — Харон* ждет всех. Лучше жить хорошо, чем жить долго. Я не видел ее с тех пор, как был ребенком... — Он вздохнул. — Нет добра без худа.

* Древние греки считали, что души умерших перевозит в загробный мир через реку Стикс лодочник по имени Харон.

— И нет худа... — подхватил Чарльз.

Мисс Прайс резко обернулась.

— Что ты хочешь этим сказать, Чарльз?

— Ничего, — отозвался пристыженный Чарльз и нагнулся за камешком.

— Он думает о доме, — сказала Кэри. — Может, пойдем посмотрим?

— Ну в самом деле, Кэри... — начала шокированная мисс Прайс.

— Я хочу сказать, раз это все равно близко? Что толку возвращаться! Будет только сидеть и хандрить. Это его подбодрит, — поспешно прибавила Кэри, — я имею в виду, что дом-то теперь его...

— Он мог сохраниться? — спросил Эмилиус.

Мисс Прайс задумалась.

— Собственно, почему бы ему там и не быть... Вы знаете дорогу?

Дорогу-то он знал хорошо — по улице Медника — но та, как выяснилось, превратилась в проселочную тропу и терялась на какой-то ферме. На воротах красовалась надпись: «Посторонним вход воспрещен», и путников облаяла большая черная собака.

— Неважно, — сказал на это Эмилиус.

Он вдруг решительно возглавил процессию, повел ее назад, к дороге, и, обогнув фермерские постройки, направился через поля и рощицы к подножию холма.

Мисс Прайс запыхалась и растрепалась: она не привыкла перелезать через изгороди.

— Вы уверены, что там нет быка? — обеспокоенно спрашивала она, взгромоздившись на верхнюю перекладину высоченных ворот.

Наконец удалось отыскать тропинку — едва приметную ложбинку среди дерна. Над ними круто возвышался холм — известняк, колокольчики и сросшиеся стволами буковые деревья. Мисс Прайс, Эмилиус и ребята карабкались на его гребень до тех пор, пока перед ними не распахнулся горизонт и приятный ветерок не повеял им в лица. Кэри нашла «чертов палец», мисс Прайс потеряла перчатку. А Эмилиус, который на протяжении поисков неизменно шел впереди, неожиданно свернул куда-то и исчез. Когда к нему присоединились остальные, он стоял в какой-то яме по колено в костянике, а вокруг среди кустов бузины и ползучей жимолости валялись камни и булыжники. «Неужели это все, что осталось от дома?» — подумала Кэри, и слезы разочарования навернулись ей на глаза.

— Он и в самом деле стоял здесь? — спросила она, надеясь, что гость ошибается.

— Разумеется, — заверил ее Эмилиус.

Он явно пребывал в приподнятом настроении, как будто эти обломки служили подтверждением тому, что он явился из глубины веков. Он взял мисс Прайс за руку, помог ей спуститься и оставил стоять на остатках фундамента, а сам принялся перепрыгивать с камня на камень, показывая расположение комнат.

— Вот здесь маленькая гостиная, здесь кухня. А тут, — он спрыгнул в длинную яму, — садик, в котором моя тетя выращивала сладкие травы. — Он столкнул рыжеватые булыжники с каких-то плоских камней. — А это ступеньки в погреб...

Он показал, где рос яблоневый сад, где находился скотный двор.

— Это был хорошенький опрятный домик, — с гордостью повторял он. — И я его наследник.

...По пути домой, уже на главной дороге, их подопечный вдруг исчез. Мисс Прайс остановила доктора Лемонда в его стареньком «форде» и спросила, не встречался ли ему по дороге молодой человек с внешностью Эмилиуса.

— Да, — ответил доктор. — Когда я повернул за угол, он шел за вами, а потом припустил вот по этому полю.

Чернокнижника обнаружили за изгородью, бледного и дрожащего. Виновником его расстройства оказался автомобиль.

Паника Эмилиуса перед лицом подобного монстра не оставляла места для хороших манер. Мисс Прайс не сразу удалось его успокоить. Когда, позже, мимо них проехал почтовый фургон, Эмилиус остался на месте, но на лбу у него выступил пот, и он задрожал мелкой дрожью, как пугливая лошадь. И до самого дома не произнес ни слова.

КОЛДОВСТВО В МЕРУ

Эмилиус с трудом привыкал к двадцатому веку, но у мисс Прайс оказался огромный запас терпения. Постепенно гость научился чистить ботинки и передавать масло и хлеб за чаем. Речь его стала более современной, а однажды он даже сказал: «О'кей». Но не успели Эмилиуса приучить к автомобилям, как он увидел небольшой военный вертолет, и все труды пошли насмарку. Самолеты его восхищали — они, к счастью, не приближались настолько, чтобы его испугать. И с каждым днем, все больше узнавая о жизни в двадцатом веке, о новейших изобретениях, Эмилиус все больше жался к мисс Прайс как к единственной надежной опоре посреди кошмара и хаоса.

Теплыми вечерами, когда ребята уже лежали в постелях, Эмилиус сидел с мисс Прайс в саду, соскребая кожуру с терна (перед консервированием), и беседовал с ней о колдовстве. Кэри слышно было из комнаты, как голоса их то становятся громче, то сти-

хают в ходе сдержанной, но серьезной дискуссии, пока сливы мягко падают в корзинку, а солнце все ниже опускается за деревья.

Однажды Кэри услышала, как мисс Прайс ему сказала:

— Я никогда не чищу ужей. Это ослабляет любое заклинание, кроме тех, где болиголов смешивается с фенхелем. Я делаю исключение только для заклинаний против пляски святого Витта — тогда, если удалить чешую, это почему-то дает лучшие результаты.

Иногда в ответ на слова Эмилиуса мисс Прайс с некоторым презрением восклицала:

— Ну, если Вы хотите вернуться к Школе восковых фигур и булавок*...

И Кэри всякий раз удивлялась, что это за школа и почему Эмилиус, который ее уже закончил, хочет туда вернуться.

Как-то вечером Кэри подслушала весьма любопытный разговор. Начала мисс Прайс. Она весело спросила:

— Вы никогда не пробовали интрасубстанциональное перемещение?

Со стороны Эмилиуса последовало озадаченное молчание. Потом он не вполне уверенно сказал:

— Нет. Во всяком случае, не часто.

** Мисс Прайс имеет в виду то устаревшее, по ее мнению, направление магии, в котором важную роль играл такой вредоносный обряд: из воска изготавливали куклу, изображавшую человека, которому хотели причинить зло, и, произнося слова заклинания, кололи ее булавками. Считалось, что человек после этого может заболеть, а то и умереть.*

— Это ужасно забавно, — продолжала мисс Прайс. — Одно время я была на нем просто помещена.

Слышно было, как шлепаются в корзинку сливы, и Кэри стало любопытно, так ли заинтригован Эмилиус, как она сама.

Мисс Прайс как-то очень ребячливо хихикнула.

— Ну конечно, по сравнению с заклинаниями это игрушки. Но иногда самые простые вещи оказываются эффектнее всего, вы не находите?

Эмилиус откашлялся.

— Что-то у меня в памяти все смешалось, — осторожно ответил он. — Я, должно быть, путаю его с...

Мисс Прайс рассмеялась.

— Ну-у, интрасубстанциональное перемещение невозможно спутать ни с чем.

Она, похоже, была довольна.

— Нет, — согласился Эмилиус. — Нет. Думаю, что нельзя.

— Разве что, — в неожиданной задумчивости произнесла мисс Прайс, наклоняясь вперед и с серьезным видом глядя куда-то в пространство, — Вы хотите сказать...

— Да, — поспешно согласился Эмилиус, — это я и хотел сказать.

— Что? — удивилась мисс Прайс.

— Я имел в виду то, с чем я это путаю.

— С чем?

— С... — Эмилиус колебался. — с тем, что Вы собирались сказать.

— Но интрасубстанциональное перемещение — это совершенно другое, — голос мисс Прайс звучал удивленно и несколько озадаченно.

— Да, да, — подхватил Эмилиус, — это совсем другое, но все равно...

— Вы полагаете, что интрасубстанциональное перемещение — то же самое, что заставить ходить пустые ботинки.

— О да, — с облегчением сказал Эмилиус. — Ботинки. Так и есть.

— Или сделать так, чтобы костюм сам по себе вставал и садился.

— Д-да, — отозвался Эмилиус, менее уверенно.

— Но, конечно, — с энтузиазмом продолжала мисс Прайс, — самые лучшие результаты дает белье, развешенное для просушки. — Она довольно рассмеялась. — Что можно делать с развешенным бельем — это просто удивительно.

— Поразительно, — с нервным смешком согласился Эмилиус.

— Кроме простыней, — уточнила мисс Прайс.

— Да, от простыней никакого проку.

— Это должен быть предмет одежды. Что-то, что можно заставить выглядеть так, словно внутри находится человек.

— Естественно, — довольно холодно сказал Эмилиус.

Поначалу мисс Прайс, озабоченная тем, что визит Эмилиуса затягивается, без конца обращала его внимание на те обстоятельства, в силу которых он не мог гостить у нее долго. Но потом, когда Эмилиус начал привыкать и радоваться обретению друзей, мисс Прайс стала огорчать мысль о его отъезде. А Эмилиуса беспокоил Лондонский пожар и судьба его комнаты на Крипплгейт. Кроме того, прочитав на кладбище о смерти своей тети, он считал себя обязанным заняться наследством.

— Я в любой момент мог бы Вас навестить, — объяснял он, — если бы Вы только за мной приехали.

Но мисс Прайс эту идею не одобрила.

— Что угодно, — говорила она, — только не болтаться между двумя веками. По-моему, разумнее всего Вам оставить вашу практику в Лондоне и обособиться в доме Вашей тети в Пеппериндж-Ай. А мы время от времени будем ходить туда на прогулки, и нам будет приятно думать, что Вы там живете. Будет казаться, что Вы рядом.

Эмилиус обдумал ее слова.

— Это хороший участок земли, — сказал он, но голос его звучал печально.

Присутствовавшая при сем Кэри, желая утешить Эмилиуса, пообещала:

— Мы будем часто туда ходить. И сидеть на камнях в гостиной, там, где был камин, совсем-совсем как будто рядом с Вами...

Эмилиус взглянул на нее.

— Мне бы хотелось, чтобы вы увидели дом, — сказал он. — Таким, каким он был в мое время.

Кэри обернулась к мисс Прайс.

— Можно, мы съездим разочек?

Мисс Прайс поджала губы.

— Вечно этот «разочек», Кэри. Вы уже съездили «разочек», а теперь надо возвращать мистера Джонса домой.

— А если мы обещаем не задерживаться ни минуты, ни секунды, когда будем его отвозить, можно нам тогда как-нибудь съездить его навестить и посмотреть дом его тети?

Эмилиус заглянул в лицо мисс Прайс и грустно уставился на лужайку.

— Не то чтобы я не была рада съездить пови-
дать мистера Джонса, особенно в этом милом до-
мике, — начала мисс Прайс, явно испытывая не-
ловкость, но...

— Но что? — спросила Кэри.

— Я же за вас отвечаю. Нельзя предугадать, что
может случиться во время этих отлучек...

— Ну какая же это отлучка, — рассудительно
сказала Кэри, — просто съездить и навестить мис-
тера Джонса в его тихом домике. В Пеппериндж-
Ай, не больше двух миль отсюда.

— Я знаю, Кэри, — заметила мисс Прайс. — Но
вспомни тот тихий денек, который мы планировали
провести на море.

— Так то был людоедский остров. Это совсем
другое дело. А то хорошенький домик тети мистера
Джонса. В Пеппериндж-Ай...

— Всего один раз, — попросил Эмилиус. — Ска-
жем, через неделю после моего отъезда. Просто
взглянуть. А после вы сможете приходить туда мыс-
ленно...

— Мысленно? — с сомнением спросила его мисс
Прайс.

— Я имею в виду прогулки туда, где стоял дом. И
где мы будем вспоминать друг друга.

Мисс Прайс долго сидела молча. Невозможно бы-
ло понять, о чем она думает.

— Мне не нравится летать вопреки природе... —
внезапно сказала она.

— А разве метла... — удивилась Кэри.

— Нет, — отозвалась мисс Прайс, — это другое
дело. Это допускается: ведьмы всегда летали на мет-
ле. — Она помолчала. — Нет, я не знаю, как это
сформулировать, и вообще, мне не хотелось бы об

этом упоминать, но невозможно обойти тот факт, что, насколько нам известно, мистер Джонс уже давным-давно умер и похоронен.

Эмилиус хмуро уставился на траву у себя под ногами. Этого он не мог отрицать.

— Я говорю это не в упрек ему, — продолжала мисс Прайс. — Рано или поздно это случится со всеми нами. Но мне кажется неразумным и неестественным поддерживать отношения с тем, кого больше нет.

Эмилиус вздохнул.

— Но на кладбище нет записи о моей смерти, — заметил он.

Мисс Прайс поджала губы.

— Это ничего не доказывает. Мы не смотрели в пристройке за новой оградой.

— Давайте не будем, — поспешно сказала Кэри.

МНЕНИЕ ИЗМЕНИЛОСЬ

144

Мисс Прайс так и не отказалась от первоначального плана. Как только прибыла из чистки одежда Эмилиуса, его отвезли домой. Они высадили чернокнижника в Козлином переулке, ночью, и не остались там ни минуты. Мисс Прайс никогда не любила долгих прощаний, а на этот раз, стараясь щадить общие чувства, держалась почти по деловому. Она не пожелала «заглянуть наверх» отведавать вишневой наливки. Она загнала ребят обратно на кровать с почти неприличной поспешностью и оставила мрачного Эмилиуса, облаченного в темную мантию, одного на освещенной луной улице.

Это событие, по-видимому, взволновало мисс Прайс и расстроило; она была резка с ребятами, когда они вернулись домой, а на следующий день рьяно принялась за консервирование, словно пыталась

утопить память о печальном, бледном лице Эмилиуса в абрикосовом компоте и томатной пасте. Она не участвовала больше в ребячьих экспедициях, а шишечка вновь исчезла.

Счастливая атмосфера домика куда-то улетучилась. Ребята бродили в полях или сидели на воротах, молоты по ним пятками, жевали длинные травяные стебли и лениво ссорились, а конец каникул неумолимо приближался.

Никто ни разу не упомянул об Эмилиусе, пока однажды, совершенно неожиданно, мисс Прайс сама не затронула эту тему.

— Я все думаю, — сказала она, уставясь на коричневый заварной чайник, — правильно ли мы отвезли мистера Джонса домой.

Обстановка мгновенно накалилась. Кэри уронила чайную ложку. Все три пары ребячьих глаз нацелились на мисс Прайс.

— Но мы же его отвезли, — сказала наконец Кэри.

— Я имею в виду, — пояснила мисс Прайс, — бросив его так на улице. Это получилось довольно грубо.

— Да уж, — заметила Кэри. — Его дом мог сгореть во время пожара, да мало ли что еще. Может, ему в ту ночь негде было ночевать.

Мисс Прайс забеспокоилась.

— Но мы же так договорились — разве нет? — не задерживаться.

— Да, — сказала Кэри. — А помните, мы Вас просили, если мы обещаем не задерживаться ни минуты, ни секунды, когда будем его отвозить, чтобы

Вы разрешили нам потом приехать и навестить его как следует.

— Я ничего не обещала, — поспешно ответила мисс Прайс и налила себе еще одну чашку чая. Размешивая чай, она неуверенно проговорила: — Но я полагаю, с ним все в порядке, а вы? Он всегда может поехать в Пеппериндж-Ай...

— Да, — отозвалась Кэри, — надеюсь, ему это удастся.

— И все же, — продолжала мисс Прайс, — в некоторых отношениях мистер Джонс довольно беспомощен. Этот пожар... знаете, говорят, после него были беспорядки, — мисс Прайс, не замечая, что делает, положила в чай лишнюю ложку сахара. — Если бы можно было написать...

— Но мы же не можем, — заметила Кэри.

Чарльз откашлялся.

— Вы не хотите, чтобы мы с Полом быстренько слетали на него взглянуть?

Кэри даже рот раскрыла.

— Без меня? — возмутилась она.

— Нет, нет, — вмешалась мисс Прайс. — Было бы несправедливо оставлять Кэри. Возможно... возможно, нам всем следовало бы съездить.

Ребята молчали. Они не отваживались настаивать. Кэри скрестила большие пальцы и неподвижно глядела на скатерть.

— Мы могли бы просто подлететь к его дому и взглянуть в окно. Просто взглянуть, все ли с ним в порядке. Мы не станем его беспокоить. Я думаю, — сказала мисс Прайс, — так будет вежливо.

Ребята не проронили ни слова.

— Как только мы увидим, что у него все хорошо, — продолжала мисс Прайс, — мы вернемся и снова заживем припеваючи.

— Да, — осторожно сказала Кэри.

— Правда ведь? — спросила мисс Прайс.

— О, да, — отозвался Чарльз.

— Хотя это мимолетный визит, — объявила мисс Прайс, — мы, я думаю, должны быть готовы ко всяким непредвиденным случаям.

Она сняла со стены саблю и попробовала лезвие пальцем.

Кэри и Чарльз складывали одеяла, а Пол разворачивал водонепроницаемую пленку.

Было девять часов утра, и все они собрались в спальне мисс Прайс, чтобы приготовиться к дальней дороге.

— Видите ли, — продолжала мисс Прайс, — хотя теперь я абсолютно убеждена в том, что ехать — наш долг, сейчас, в конце каникул, на меня ложится огромная ответственность. Я не уверена, что риск оправдан. Нас могут разоблачить...

— Как это? — удивился Чарльз.

— Мы выглядим слишком из двадцатого века, — пояснила мисс Прайс. — А на этот раз будет день.

— Придумала! — воскликнула Кэри. — Давайте возьмем напрокат какие-нибудь костюмы; мы так делали, когда ставили пьесу в школе.

— Нет, нет, — сказала мисс Прайс. — Я не могу ехать в экстравагантном платье. Я в нем перестану быть самой собой. Но у меня есть вот этот черный плащ, а вам будет вполне достаточно надеть халаты и заколоть их булавками у самой шеи.

— Ой, мисс Прайс, это будет ни на что не похоже. Костюмер подобрал бы правильное платье. У меня есть семь шиллингов и шесть пенсов.

— Это обойдется дороже, чем семь шиллингов и шесть пенсов, — возразила мисс Прайс. — И мы едем всего на десять минут. Халаты вполне сойдут. Ты, Кэри, вечно все преувеличиваешь. А теперь помогите мне скатать матрас.

— Я бы сказала, — заметила Кэри, взявшись за матрас, — что мы будем выглядеть до ужаса экстравагантно, разгуливая по Лондону времен Карла II в халатах из двадцатого века, заколотых булавками у самой шеи...

— Хватит, Кэри. У меня нет ни малейшего намерения разгуливать по Лондону. И радуйтесь, что вообще едете.

ТАК БЛИЗКО

Эмилиус открыл глаза. И снова закрыл. Ему было больно от света.

— Это сон, — сказал он себе, — кошмар, самый ужасный из всех, что мне снились...

Он чувствовал холод, но был слишком усталым и разбитым, чтобы осознать, что замерз. Он просто лежал на каменном полу, не пытаясь подняться. Однако через какое-то время глаза его словно сами собой раскрылись, и он увидел маленькое, забранное решеткой окно и серое небо за ним. Эмилиус резко сел и тут же вскрикнул: движения причиняли ему боль. Он почувствовал запах мокрой одежды, руки его скользнули по полу. Он начал медленно припоминать: вчера — лошадиный пруд, сегодня — костер...

Его предали. Во время Лондонского пожара многие совершенно потеряли головы. Говорили, что причиной был заговор католиков и что французы бросили зажигательные ядра, чтобы сжечь город. Кто-

то донес на Эмилиуса, жившего такой таинственной жизнью в своей тусклой комнате по правой стороне Козлиного переулка, и люди короля обыскали его жилище. Там они обнаружили свидетельства его занятий колдовством, и когда, возвращаясь, Эмилиус поднимался по темной лестнице, наверху его встретили двое незнакомцев, а еще один, появившись неизвестно откуда, отрезал путь к отступлению. Эмилиуса бросили в тюрьму и почти сразу устроили допрос — так раздражены были люди. Когда же выяснилось, что он не француз и не замешан ни в каком заговоре, его обвинили в том, что он вызывал пламя при помощи колдовства. Странно, говорили, как это он уехал из города как раз накануне пожара, а вернулся, когда опасность миновала; и этот его дом почти не пострадал посреди всех разрушений...

Ох, лошадиный пруд... вот был кошмар! Эмилиус вспомнил одного маленького мальчика, маленького босого мальчугана, который бежал рядом с ним, впереди толпы, пока его наполовину волокли, наполовину несли к пруду; маленького загорелого и белозубого мальчугана, который кричал и глумился над ним, и то и дело останавливался, чтобы подобрать из пыли камень. Эмилиус пытался пригнуться, уклониться от камня, со свистом рассекающего воздух... И каждый раз, как камень ударял его по щеке или задевал по голове, он ощущал смеющееся, довольное лицо мальчугана как часть боли.

А как его связали по рукам и ногам! А стоявший рядом констебль, а торжественное лицо священника! А потом отвратительное погружение вниз, в зеленую воду... взбаламученная ряска... маленькая полузатонувшая пергаментная лодочка, зацепившаяся за прут... и удушливая зеленоватая темнота, и шум в ушах, словно

на скрипке быстро-быстро играли гамму. Если бы он захлебнулся и умер там, в воде, это доказало бы, что он обычный человек и неповинен в колдовстве; но раз он выжил, это означало, что ему помогают сверхъестественные силы, и теперь его сожгут на костре.

...Потом он стал подниматься к поверхности, задыхаясь, кашляя, вздымая брызги. Толстая веревка, привязанная к щиколоткам, взвилась в воздух. Эмилиус увидел солнечный свет, услышал испуганное кряканье уток. Потом вниз, опять вниз, в воду... звон в ушах, чернота... чернота, которая становилась все гуще, шире, успокаивая его страх, заслоняя мысли...

А сейчас утро. Всю ночь он лежал там, куда его швырнули, на холодном полу. Холод... да, он промерз до самого нутра, но ему не долго будет холодно; скоро от его мокрой одежды повалит пар; он почувствует, как горячий пар поднимается к лицу; потом одежда начнет тлеть; он почувствует жар от этого тления у самой кожи и сухой дым в ноздрях — потом внезапно одежда вспыхнет, охваченная пламенем...

Костер... уже много лет никого не сжигали на костре. В наши дни ведьм и колдунов вешают, а не сжигают. Это варварство, это чудовищно — сжигать человека заживо! Но сейчас люди одержимы огнем, огнем, огнем...

— О, — вскричал Эмилиус, прижимая ладони к закрытым глазам. — Костер... костер... спасите меня от костра!

Он сидел неподвижно, спрятав лицо в руки, словно надеясь, что если не станет шевелиться, то окажется, что он все-таки умер там, в лошадином пруду, и все кончено. «Вот до чего дошло, — горько думал он, — я осужден за колдовство, а я ведь не знал ни одного действующего заклинания!».

Другое дело, если бы на его месте была мисс Прайс. Она ведьма, настоящая, но никто не посмеет ее сжечь. Никто не вытащит мисс Прайс из ее крошечного домика и не потащит по главной улице вон из города. Если она платит налоги, не нарушает законов и помогает Красному Кресту, никто не спросит, чем она занимается. Мисс Прайс может сотворить черную кошку со слона величиной, и никто не станет к ней приставать, если эта кошка не причинит ущерба чужой собственности.

— О, мисс Прайс, если бы Вы знали, — просто-нап Эмилиус, пряча глаза. — Если бы Вы знали, что меня должны сжечь на костре!

— Я знаю, — произнес голос. — Мне сказали у Вас на квартире.

Эмилиус медленно отнял ладони от глаз и огляделся. Камера была пуста.

Должно быть, он сходит с ума от страха. Голос звучал как настоящий, не очень громко и вполне прозаически. А потом Эмилиус увидел в окне лицо мисс Прайс и две руки с побелевшими костяшками пальцев, крепко сжимающих прутья решетки. Лицо смотрело на него из-под черного капюшона, и он сперва не узнал тени под глазами и стиснутые от напряжения губы, но потом его затуманенный страхом взгляд различил длинный нос с розовым кончиком — воплощение негодования и праведного гнева.

— Столько времени сюда добирались, — раздраженно пожаловалась она. — Расспросы, расспросы. И такая грубость.

Эмилиус по-прежнему не произнес ни слова. Он дрожал, словно неожиданно ожил от холода.

— И хоть бы кто-нибудь понимал нормальную английскую речь, — продолжал сердитый голос. Мисс

Прайс слегка задыхалась, как будто висела на руках. — Не понимаю, как Вы это все выносите. А грязь, беспорядок, запахи... но сейчас это неважно. — Мисс Прайс вскрикнула и пропала из виду, но мгновение спустя появилась снова. — Потеряла точку опоры, — объяснила она. — Я в ужасной позиции. Но Вы заперты, и у Вас тут нет места для кровати.

Эмилиус облизал губы. Его взгляд был сосредоточен на лице в окне.

— Меня топили в лошадином пруду, — простонал он, словно разговаривая сам с собой. — В лошадином пруду...

— Ну ничего, — живо отозвалась мисс Прайс. — Забудьте об этом! — Она поглядела вниз, и Эмилиус услышал, как она ворчит: — Ну так убери свой палец, Кэри. Ты сама виновата. Я не собиралась на него наступать.

После паузы он снова услышал ее голос:

— Да, с ним все в порядке. Очень мокрый. Но камера слишком мала для кровати.

Мисс Прайс заглянула к Эмилиусу.

— Минутку, — сказала она и исчезла.

Послышались тихие голоса. Он снова лег. Чувство благодарности охватило Эмилиуса, переполняя его сердце и выжимая слезы из глаз, обжигающие слезы, которые текли из-под сомкнутых век.

Мисс Прайс здесь. Она спасет его. Мисс Прайс всегда доводит дело до конца, и все, что она делает, она делает хорошо.

Через некоторое время она появилась в окне снова.

— А теперь, — объявила мисс Прайс, — Вы должны взять себя в руки. Мы не намерены допустить, чтобы Вас сожгли, но здесь нам оставаться нельзя. Белый день, а я стою на спинке кровати...

— Не уходите! — взмолился Эмилиус.

— Я должна уйти. Ненадолго. Надо подыскать место для кровати. Собирается гроза. А когда мы уезжали, была такая чудесная погода.

— Что я должен делать? — выдохнул Эмилиус.

— В настоящий момент делать Вам нечего. Сохраняйте присутствие духа и постарайтесь не нервничать. — Мисс Прайс задумчиво его оглядела. — Приведите себя немного в порядок, и Вам станет лучше.

И мисс Прайс вновь исчезла.

На этот раз она больше не появилась, но через некоторое время Эмилиус, раз мисс Прайс ему так велела, принялся обирать длинные нити зеленых водорослей со своей отороченной мехом мантии. В рукаве он обнаружил водомерку, в ботинки набилась грязь. Да, мисс Прайс его, конечно, спасет, но как? Это, должно быть, не так-то легко. Забранное решеткой окно в глубине стены было не шире квадратного фута, и железная дверь была заперта.

...И ВСЕ ЖЕ ТАК ДАЛЕКО

— Как долго она не идет, — вздохнула Кэри.

Ребята сидели на кровати в заброшенном коровнике. Земля там была вытоптанной и пыльной, в углу гнила куча сероватого сена. За пустым дверным проемом лежало унылое поле, над которым тяжело нависло темное грозовое небо.

Это было зловещее место — как заметила мисс Прайс — и достаточно уединенное, чтобы спрятать там кровать. Сама мисс Прайс ушла, завернувшись в свой черный плащ, с метлой в одной руке и саблей в другой, посмотреть, чем можно помочь Эмилиусу.

— Ее нет уже около часа, — сказал Чарльз, подходя к двери.

Между тучами протянулась узкая щель, пропуская вниз, к деревьям и изгородям, какой-то неестественный, серо-синий цвет. Небо вдруг озарилось дрожащей вспышкой зарницы, и над крышей прокатился раскат грома. Чарльз отпрянул:

— Я аж испугался...

— Может, пойти поискать ее, как ты думаешь? — спросила Кэри.

— А кровать? Кто-нибудь должен за ней присматривать.

— Никто сюда не придет, — возразила Кэри. — Все ушли смотреть на казнь. По-моему, надо или всем идти, или всем оставаться. Только не разделяться.

Чарльз задумчиво посмотрел за поле, в сторону калитки, выходящей на дорогу.

— Давайте тогда все пойдем, — решил он.

В дверях Кэри обернулась и взглянула на кровать. Та вызывающе блестела, утопая в пыли и клочьях соломы. «Интересно, увидим ли мы ее снова?» — подумала Кэри.

По дороге ребята с любопытством озирались по сторонам, разглядывая неровные ряды домов и пустынные сады в мрачном грозовом освещении. То, что они видели, не слишком отличалось от знакомых им уголков Англии. Новые дома жались к старым. Под внезапным порывом ветра скрипнула трактирная вывеска, но в трактире было пусто. Все ушли смотреть казнь.

— Смитфилд, — сказал Чарльз, — где мясные ряды. Это на самом деле часть Лондона, а похоже на деревню.

Лошади, запряженные в повозки, были привязаны к столбам. Между домами слонялось множество чуть живых от голода кошек и шелудивых, со свалывшейся шерстью, собак. В сточных канавах валялись обглоданные кости, тряпки, погнутые крышки от кастрюль; навязчиво пахло дублеными шкурами. Все отчетливее стал доноситься шум толпы.

— Смотрите! — прошептала Кэри.

Из конюшни выводил лошадь богато одетый человек. На нем были кожаные сапоги, доходившие ему почти до бедер, и камзол. На его запястья, до самых пальцев, ниспадали кружева, а на плечах неуклюже шевелились концы огромного темного парика. Поравнявшись с ним, ребята почувствовали, что от него пахнет духами — незнакомый, богатый, пряный запах причудливо смешивался с вонью от дубленых кож. Приготовившись сесть верхом на лошадь, человек взглянул на ребят. На его бледном лице было написано явное неодобрение. Кэри нервно подняла руку, чтобы прикрыть английскую булавку, но он смотрел не на одежду; должно быть, его волновали соображения более глубокие.

— Бедняга, гибнущий на костре, — произнес он, когда ребята проходили мимо, — прекрасное зрелище для детей!

157

Кэри испуганно на него покосилась. Она чувствовала то же, что и вы обычно чувствуете, если совершенно незнакомый человек заговаривает с вами сердитым голосом. Когда позади смолкло цоканье копыт, ребята пошли молча. И каждому казалось, что это его вина в том, что Эмилиуса должны сжечь заживо.

Неожиданно перед ними открылась площадь, а точнее луг, и ребята присоединились к толпе. То, что увидела Кэри, напомнило ей не то какую-то полузабытую картину, не то исторический фильм. Только в жизни все было красочнее, чем на картине, и грязнее, чем в историческом фильме. На деревьях и заборах гроздьями висели мальчишки, за каждым окном теснились люди. Перекрывая гомон

толпы, одни и те же голоса выкрикивали что-то, монотонно и невнятно. Кэри подскочила от неожиданности, когда прямо у нее за спиной загорланила торговка:

— Отличные лимоны и апельсины! Апельсины и цукаты!

Подобраться поближе к костру ребятам не удалось. Они оказались зажатыми между толстухой с тремя детьми и подобием изгороди, которой был обнесен загон для скота. Краснолицая толстуха в белом чепце, поверх которого была надета шляпа, делила между своими детьми пирог. От пирога пахло корицей, и Кэри почувствовала, что проголодалась.

Она поставила ногу на нижнюю перекладину загона и втиснулась между мальчишками, сидевшими наверху. Вот теперь ей был виден костер! Он почти не возвышался над толпой. Два человека с перекинутыми за спины мушкетами возились с веревками. Когда они отодвинулись, Кэри увидела Эмилиуса — поникшую, скособочившуюся фигуру. Но где же мисс Прайс?

Чарльз пристроился рядом. Кэри услышала, как он вскрикнул при виде Эмилиуса, а потом Пол потянул ее за полу халата.

— Можно мне ириску?

Кэри слезла. Пол еще слишком маленький, чтобы смотреть, как сожгут Эмилиуса; он даже знать об этом не должен.

— У нас нет денег на ириски, — ласково объяснила Кэри, но огляделась и действительно увидела торговку с подносом, которая направо и налево продавала ириски и леденцы на палочках. Толстуха с тремя детьми дала Полу кусок пирога и с любопытством

оглядела ребят. «Заметила, как мы одеты», — подумала Кэри.

Толпа неожиданно умолкла. Рядом с костром кто-то что-то говорил, но Кэри не удалось ни увидеть этого человека, ни разобрать слова.

— Скоро начнут, — объявил Чарльз со своего наместа, и Кэри увидела тонкую струйку дыма. Она снова забралась рядом с Чарльзом, но это был пока только потрескивавший факел в руке у какого-то человека. Теперь говорил кто-то еще. Кэри мельком увидела высокую фигуру в черном, то ли судью, то ли священника.

Эмилиус все так же косо висел на веревках, уронив голову на грудь.

— Мисс Прайс... Мисс Прайс... — вцепившись в жердь, выдохнула Кэри. — Спасите его. Ну, пожалуйста, спасите бедного Эмилиуса...

Голос умолк. Толпа замерла. Все новые и новые люди пытались взобраться на изгородь. Все головы повернулись к костру. Внезапно раздалась барабанная дробь. Человек у костра описал факелом круг над головой и швырнул его вниз, в поленья.

Кэри взвизгнула и, пряча глаза, прыгнула с изгороди. Барабанная дробь становилась все более напряженной. К темному и грозному небу потянулись облака дыма. Неровная вспышка света — и на мгновение вся сцена застыла серо-синей гравюрой, освещенная молнией, ветвившейся среди туч. А в следующий момент барабанная дробь потонула в сокрушительном, режущем слух громовом раскате, который рокотал в небесах, то стихая, то нарастая, до тех пор, пока сама земля, казалось, не задрожала под ногами у людей.

Потом Кэри услышала женский визг и крики и втиснулась на изгородь — посмотреть, что случи-

лось. Что-то заставляло толпу клониться, как пшеничное поле под ветром, и это «что-то», наверное, было страшным. В толпе началась давка, драка и паника. Кэри подтащила Пола к самой загородке. Пол заплакал.

— Чарльз! — крикнула Кэри срывающимся от волнения голосом. — Смотри! Смотри!

Что-то похожее на огромную черную птицу кружило низко над площадью и там, где оно пролетало, в толпе образовывалась брешь. Перепуганные люди рассыпались в стороны, словно волосы от расчески.

— Это она! Это мисс Прайс! — кричала Кэри. — Пол, это мисс Прайс! Чарльз...

Вот видение устремилось к ним на низком, ровном, бреющем полете. Толстуха завизжала и кинулась прочь, волоча за собой своих троих детей. Мальчишки прыгнули с изгороди.

— Ведьма, ведьма! — завопили они осипшими голосами. — Ведьма на метле!

Но Кэри и Чарльз оставались на месте, не отпуская от себя Пола. Они с волнением смотрели вверх, на колышущуюся черную фигуру, приближавшуюся к ним во мраке. Она пронеслась мимо, закутанная и неузнаваемая, и ветер подхватил ее вой, тонкий, жуткий, от которого стыла в жилах кровь.

Люди убегали по боковым улочкам и переулкам. На площади оставались проплешины — участки примятой травы и пыльной, замусоренной земли. Продавец корзин подбирал свой товар, раскатившийся во все стороны, но, когда вблизи пролетела метла, снова все выронил и что есть духу кинулся ко входу в трактир.

Теперь ребятам отчетливо был виден костер. Дым рассеялся, и красные языки пламени пробивались вверх сквозь поленья, таинственно светясь в свинцовой мгле. Эмилиус, привязанный к столбу за грудь и колени, висел на веревках.

— Огонь к нему подбирается! — взвизгнула Кэри. — Ой, мисс Прайс, скорее! Скорее!

Солдаты, которые отгораживали костер от толпы, сбились теперь в кучку, нацелив ружья на летящую метлу.

— Может, она забыла, — испугался Чарльз. — Она ведь сожгла книги...

Гулко прозвучал ружейный залп. Вновь сверкнула молния, и в сердитом небе загрохотал гром. Площадь совсем опустела, если не считать солдат и ребят у изгороди. Земля была усеяна мусором. Скамьи, стулья, табуретки, которые люди подставляли, чтобы лучше видеть, валялись перевернутые и сломанные.

Вот метла приблизилась к костру. Развевающийся черный плащ едва не коснулся горящих поленьев, и в тот же миг ребята увидели, как блеснула сабля.

— Это же сабля ее отца! — взволнованно воскликнул Чарльз. — Она хочет разрубить веревки.

— О Боже! — перепугалась Кэри. — Она же отрубит ему голову!

Метла предпринимала неуклюжие попытки подлететь к костру так, чтобы можно было дотянуться до веревок, и в то же время не слишком близко. Очнувшийся наконец Эмилиус отчаянно изворачивался и натягивал веревки, спасаясь от смертоносных выпадов клинка. Столб искр и дыма взметнулся к его лицу, и он закашлялся, но атака продолжалась.

— Осторожней! — закричала Кэри. — Пожалуйста, ну пожалуйста, мисс Прайс!

Снова раздался ружейный залп, за ним немедленно последовали два других. Солдаты стреляли. Испуганно глядя на ружья с раструбами, Кэри удивилась, как из них можно промахиваться.

— В нее попали, — сказал Чарльз самым сдержанным тоном, на какой был только способен.

— Нет! — вырвалось у Кэри. — Нет, они не могли!

Взгляд ее метнулся к костру, и она поспешно зажала себе рот, чтобы удержать крик.

Метла зависла в воздухе над потрескивавшими дровами, не двигаясь и подрагивая. Сабля упала и, воткнувшись рукояткой вверх, покачивалась между поленьями. Метла вильнула и опустилась почти к самому огню. Потом, на глазах у ребят, она с трудом отодвинулась, немного набрала высоту и осторожно, неуверенно полетела в сторону главной дороги, которая начиналась от площади. Солдаты медленно разворачнулись, держа ее на прицеле.

В дверях появились люди. Несколько человек, посмелее, рискнули выйти на улицу. Все взгляды были прикованы к черному клочковатому предмету, который то поднимался в воздухе, то оседал в каком-то болезненном, дергающемся полете.

Ребята не смотрели больше на костер, где Эмили-усу с каждой минутой становилось все жарче и неуютней; они в мучительном страхе цеплялись друг за друга, не в силах отвести глаз от метлы. Казалось, что в мире не существовало больше ничего, только мисс Прайс и ее спасение. Метла между тем поднялась повыше. Резко крелясь то в одну сторону, то в другую, неровно, словно потеряв управление, она по-

летела вдоль улицы примерно на уровне окон второго этажа.

Какой-то человек швырнул в нее кирпич, а солдаты снова выстрелили. Метла замерла в воздухе.

Еще какую-то долю секунды ребята видели черный плащ мисс Прайс, ниспадавший в воздухе мягкими складками, а потом метла и наездница камнем упали вниз. И больше ничего видно не было. Из дверей, из дворов, из переулков выбежали люди — кто с палкой, кто с дубинкой, один человек, видимо, мясник, вооружился здоровенным блестящим ножом. Все устремились к тому месту, куда упала метла.

Узкое устье улицы заполнила толпа, состоявшая главным образом из мужчин и мальчишек, и толпа эта все росла и росла. Никто не смотрел на костер, и никто не почувствовал хлынувшего внезапно дождя. Он полил сплошной косой стеной, смешиваясь со слезами на лице Кэри и превращая в слякоть взмученную пыль.

— Мисс Прайс... Мисс Прайс... — всхлипывала Кэри, а дождь стекал по ее волосам за шиворот халата.

Она не сразу поняла, что Чарльза рядом нет, что он карабкается по горящим поленьям, чернеющим под ливнем. Сквозь слезы, отстраненно, как во сне, Кэри смотрела, как Чарльз берет саблю, разрубает веревки, как Эмилиус валится вперед, на поленницу, и дрова раскатываются в разные стороны под его тяжестью. Она смотрела, как тот приземляется, как слезает с костра Чарльз с саблей в руке, и потом — как ошеломленный Эмилиус поднимается с земли и обгоревшая мантия полосками обвисает вокруг его ног в желтых чулках. Чарльз что-то ему говорит, тя-

нет за руку. Потом Чарльз и Эмилиус оказались рядом с ней.

— Мисс Прайс, мисс Прайс, — продолжала всхлипывать Кэри.

Чарльз стаскивал с несчастного чернокнижника камзол.

— Так они Вас не узнают, — объяснял он Эмилиусу, который остался в рубашке, бриджах и сморщенных желтых чулках. — Вы совсем не обгорели. Счастье, что Ваша одежда была такой мокрой. Идем, Кэри, — позвал Чарльз, бледный, но решительный. — Перестань, мы должны добраться до кровати.

— А мисс Прайс? — выкрикнула Кэри не своим голосом. — Нельзя бросать мисс Прайс!

— Ничего уже не поделаешь, — сказал Чарльз. — Она бы нам посоветовала вести себя разумно.

Пол громко заревел. Он не желал проявлять благоразумие. Если мисс Прайс умерла, он не намеревался больше быть храбрым. Его рев привел Кэри в чувство; она взяла Пола за руку.

— Тише, Пол, — проговорила она, шмыгая носом, — мы поплачем дома.

Идти быстро они не могли, потому что Чарльз обжег ступни. Возможно, это было и к лучшему: бегство могло вызвать подозрение. Эмилиус двигался как во сне. За всю дорогу он не произнес ни слова и только все смотрел перед собой, как будто все еще видел черную фигуру, парящую в воздухе на метле. Когда подошли к калитке, ведущей в поле, всех охватило одно и то же опасение. А вдруг кровать исчезла?..

Кэри и Пол немного отстали, и Чарльз первым вошел в коровник. Услышав его возглас, Кэри осторожно остановилась, ожидая в высокой траве под пролив-

ным дождем. Она чувствовала, что новых бед не вынесет.

— Кэри! — кричал Чарльз. — Кэри! Иди, погляди!

Кэри поплелась к двери. Сначала она ничего не увидела в потемках. Потом различила очертания кровати. На ней, опершись на локоть, полулежала знакомая фигура. Сердитые глаза встретили Кэри мрачным, обвиняющим взглядом.

— Мисс Прайс! — воскликнула Кэри и ухватилась за дверной косяк, чтобы не упасть.

— Ты вполне могла бы выглядеть виноватой, Кэри, — проворчала мисс Прайс. Даже при плохом освещении было заметно, что кончик ее носа сердито порозовел. — Вы самые бездумные и безответственные дети на свете. Вам было велено оставаться с кроватью. Я перепугалась из-за Вас до полусмерти. До полусмерти. Я возвращаюсь сюда, совершенно измотанная колдовством, в надежде на пять минут прилечь — и что я нахожу?

— О! — вскричала Кэри.

Она кинулась через весь коровник, бросилась на кровать и разрыдалась на шее у мисс Прайс так, словно сердце ее готово было разорваться.

— Ну-ну! — смущенно сказала мисс Прайс, похлопывая Кэри по лопаткам. — Ну-ну! Ни к чему такие эмоции. Мы все немного расстроились, только и всего.

— Вы живы, — выдохнула Кэри. — Дорогая мисс Прайс. Они Вас не убили.

Мисс Прайс удивленно откинула голову.

— Убили... меня? — воскликнула она с некоторым ужасом в голосе и недоверчиво уставилась на ребят. — Господи, спаси и помилуй, неужели вы думаете, что это я была на метле?!

— Тогда что же это было, мисс Прайс? — спросила Кэри, вытирая глаза. — Что?

Мисс Прайс посмотрела на нее, потом бросила торжествующий взгляд в сторону Эмилиуса.

— Это, — сказала она, слегка краснея, — было всего лишь исключительно удачное применение метода интрасубстанционального перемещения.

Но Эмилиус, без сил растянувшийся в углу на сене, даже не взглянул на нее.

...И ЕЩЕ ДАЛЬШЕ

Эмилиуса уложили в постель в комнате Чарльза, и он не вставал несколько дней. Мисс Прайс сказала, что у него шок. Ноги у Чарльза оказались больше опалены, чем обожжены, и повязка с какой-то желтой мазью очень быстро их вылечила. До конца каникул оставалась неделя, и мисс Прайс стала еще добрее и внимательнее, чем раньше. Все свободное время она то укладывала вещи ребят, то ухаживала за Эмилиусом. Она была так заботлива и так необычайно кротка, что ребята даже встревожились. Они решили, что Эмилиусу хуже, чем мисс Прайс предполагала вначале. Несколько раз Кэри видела в доме каких-то чужих людей. Однажды мисс Прайс спустилась вниз в сопровождении двух незнакомцев. Все трое вошли в столовую, закрыли дверь и более часа о чем-то таинственно совещались. Мисс Прайс писала множество писем и часто ходила звонить по телефону. Но она не нервничала, а наоборот — становилась все добрее и добрее. Ребятам это казалось подозрительным. И когда в последний день

каникул мисс Прайс торжественно пригласила их в гостиную, куда с появлением Эмилиуса переехал Чарльз, они были полны самых дурных предчувствий.

Ребята сели на кровать Чарльза, а мисс Прайс — напротив, в кресло. Некоторое время все напряженно молчали. Мисс Прайс откашлялась и сложила руки на коленях.

— Дети, — начала она, — то, что я собираюсь вам сказать, не будет для вас полной неожиданностью. Вы заметили, что за последнюю неделю в доме побывало много людей и, вероятно, догадываетесь, что что-то затевается, — мисс Прайс провела языком по губам и чуть сильнее сжала руки. Ребята следили за каждым ее движением, пытаясь угадать, что будет дальше.

— Ничего особо ценного у меня нет, — продолжала мисс Прайс, — однако все мои вещи в отличном состоянии. Одна только мойка на кухне, которую установили в прошлом году, обошлась мне, с оплатой работ, почти в пятьдесят фунтов! Но оборудование ванной я не оставляю! Когда я вспомнила, что могу взять его с собой, мне стало значительно легче принять решение. Если у меня есть слабости — а у всех нас их много, — так это слабость к современной сантехнике. Я ничего не имею против «простого образа жизни», если считать, что такой существует, но купание в корыте — это уже как-то чересчур. — Мисс Прайс сделала паузу. — Вырученные деньги будут переданы Красному Кресту, — прибавила она.

Кэри подалась вперед и, секунду поколебавшись, спросила:

— Какие деньги, мисс Прайс?

— Я же говорю, Кэри. Деньги, вырученные от продажи дома.

— Вы собираетесь продать дом?

— Кэри, постарайся быть внимательнее, когда с

тобою разговаривают. Я продаю дом и обстановку, кроме, как я уже сказала, оборудования ванной.

— И отдаете деньги Красному Кресту?

— До последнего пенни.

— Зачем? — спросил Чарльз.

— Чтобы возместить этому столетию потерю здоровой женщины.

Кэри начала улыбаться.

— Я все поняла, — медленно произнесла она. —

Ой, мисс Прайс...

— А я не понимаю, — пожаловался Чарльз.

— Чарльз, — Кэри живо обернулась к брату, — это одновременно и хорошая, и плохая новость. Мисс Прайс хочет сказать... — Она покосилась на мисс Прайс. — По-моему, мисс Прайс хочет сказать...

Лицо мисс Прайс было абсолютно непроницаемым. Она откашлялась.

— Я, возможно, не совсем ясно выразилась, Чарльз, — наконец сказала она. — Мистер Джонс просил меня разделить с ним его судьбу. — Она удостоила Чарльза легкой улыбки. — И я согласилась.

Чарльз уставился на мисс Прайс в полном замешательстве.

— Вы собираетесь жить в семнадцатом веке?

— Ничего не поделаешь, — сказала мисс Прайс. — Мистер Джонс не может оставаться здесь. А потом, у нас там дом, и домашний скот, и яблоневый сад... ну, и мистер Джонс отложил немного на жизнь.

— А как же Вы поедете? — спросил Чарльз. — Тогда и Полу надо ехать с Вами?

— Все устроено. Завтра утром за вами заедет мистер Бисселтуэйт и посадит вас на поезд. А сегодня вечером, после ужина, Пол встанет у изголовья кровати и повернет шишечку.

— Вы едете сегодня? — воскликнул Чарльз.

— К сожалению, придется. Я не люблю спешки, но с отъездом Пола мы остаемся без средства передвижения.

Кэри прилегла и щипнула ворс на одеяле.

— Мисс Прайс... — начала она.

— Да?

— А Вы уверены... — Кэри пристально вглядывалась в одеяло. — Вы уверены, что так нужно?

Мисс Прайс приподняла руки и уронила их на подлокотники кресла. Как ни странно, на этот раз у нее не было готового ответа.

— Мы с мистером Джонсом, — медленно произнесла она, глядя куда-то сквозь стену, — оба одинокие люди. Нам будет лучше вдвоем.

— Кровать ведь не сможет вернуться, — сказал Чарльз.

Мисс Прайс ничего не ответила.

...И снова на месте кровати остался едва заметный слой пыли и два пера. Только на этот раз комната выглядела еще просторнее. Ковры свернуты, ящики туалетного столика выдвинуты. Мятый клочок оберточной бумаги легко пронесся по комнате и зацепился за ножку умывальника.

Мисс Прайс уехала. Там, где минутой раньше спешили, сустились, увязывали, упаковывали, прощались наспех и обнимались, стало теперь тихо и пусто.

Кровать была ужасно перегружена. Оборудование ванной, которое Эмилиус и Чарльз разобрали, как умели, и завернули в тряпки и одеяла, сразу заняло очень много места. А еще, помимо бельевого корзинки и двух саквояжей, были вещи, с которыми мисс Прайс оказалась не в силах расстаться и потому взяла с собой в последнюю минуту. Серебряный кувшинчик для сливок, еще одна грелка, венчик для сбивания яиц, форма для кекса, в которую она положила запас

чая, пакетик витаминов и шесть баночек сардин. Там же оказались лучшее вечернее платье, сабля ее отца, фотографии, флакончик лавандовой воды... Они увязывали все это бельевыми веревками и так и эдак, но все равно, когда мисс Прайс с Эмилиусом взгромодились на самый верх, вид кровати с горой вещей внушал серьезные опасения за исход путешествия.

Несмотря ни на что, мисс Прайс надела свою лучшую соломенную шляпу.

— Лучше надеть, чем упаковывать, — настаивала она тоном, не допускающим возражений.

Прощаясь с ребятами, мисс Прайс всплакнула, но не забыла напомнить им, что миссис Китхэттен, соседка, придет приготовить им завтрак, что их билеты лежат на каминной полке, что мистер Бисселтуэйт будет к половине десятого, чтобы они напомнили миссис Китхэттен, что после чая придут описывать имущество, и что надо вскипятить остатки молока, если оно до утра не скиснет...

171

А потом Пол встал у изголовья кровати, повернул шишечку и комната мгновенно опустела, только зашуршала оберточная бумага да всколыхнулась, словно от порыва ветра, занавеска.

Ребятам стало ужасно одиноко. Они спустились вниз, но пустота дома, казалось, шла за ними по пятам. Зашли на кухню. Сушильная доска еще не успела высохнуть после того, как они вымыли посуду — в последний раз вместе с мисс Прайс. Дверь в сад была открыта, они побрели прочь от дома. Возле мусорного ящика возвышалась груда старой обуви мисс Прайс. Они узнали ту пару башмаков, жестких, покрытых затвердевшей грязью, в которых мисс Прайс работала в саду в сырую погоду.

Солнце опускалось за лес, но склон холма Медника купался в золотом свете.

— Они уже должны быть там, — сказал Чарльз, нарушая печально молчание.

— А я вот что придумала! — воскликнула вдруг Кэри. — Давайте сбегает туда! Мы успеем вернуться до темноты.

— Так мы же их не увидим.

— Ну и что? Мисс Прайс как-нибудь догадается.

...Когда ребята пришли к развалинам дома, Кэри одна забралась на самую высокую часть стены. Она сидела там, подперев подбородок руками, как будто погрузившись в транс; ветерок, играя прядями ее волос, скинул их ей на лоб; ее неподвижная тень протянулась над кустиками черники по всему залитому солнцем холму. Пол и Чарльз слонялись между камнями, время от времени лениво наклоняясь за ягодами, и ждали Кэри.

172
Через некоторое время Кэри слезла. Не говоря ни слова, с отсутствующим выражением лица она медленно прошла мимо мальчиков.

— Я вижу их, — произнесла она нараспев, остановившись посреди косяники на месте яблоневого сада.

— Ой, пошли, Кэри, — сказал Чарльз.

Он знал, что сестра притворяется, но все равно ему было не по себе.

— Я вижу их совершенно ясно, — продолжала Кэри, не обращая на него внимания. Она протянула руки, словно призывая всех к молчанию, и приподняла голову — точь-в-точь как женщина с картины «Пророчица», висевшей у них дома. — Они медленно идут по дорожке, рука об руку. — Кэри помедлила. — Вот они остановились под яблоней. Мисс Прайс без шляпы. А вот они обернулись и смотрят на дом...

— Кэри, ну идем же, — сказал Чарльз, поеживаясь. — Темнеет.

— А сейчас, — Кэри почтительно понизила голос, — мистер Джонс поцеловал мисс Прайс в щеку. Он говорит... — Кэри задумалась. — Он говорит, — торжествующе продолжала она, — «Моя единственная любовь...».

Вдруг Чарльз и Пол увидели, что у Кэри изменилось выражение лица. Она быстро оглянулась, выскочила из костяники, неловко вскарабкалась на стену и уставилась вниз, туда, где только что стояла.

— Что такое, Кэри? Что случилось? — закричал Чарльз.

— Вы слышали? — спросила она.

— Нет, — ответил Чарльз. — Я ничего не слышал.

— Вы не слышали мисс Прайс?

— Правда... мисс Прайс?

— Да. Это ее голос. Так громко и отчетливо...

Чарльз и Пол серьезно переглянулись.

— Что... что она говорит? — пробормотал Чарльз.

— Она говорит: «Кэри, сейчас же уйди с грядки с салатом!».

Оглавление

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВСТРЕЧА	5
СЕКРЕТ МИСС ПРАЙС	10
НИЧЕГО НЕ ВЫШЛО	19
ГАЛОПОМ НА КРОВАТИ	27
ПОЛИЦЕЙСКИЙ УЧАСТОК	38
ЧУДЕСА В ПОЛИЦИИ	45
У КЭРИ ПОЯВИЛАСЬ ИДЕЯ	49
ОСТРОВ УИПИ	59
СЧЕТ ПРЕДЪЯВЛЕН	74
ПРОЩАНИЕ	79

174

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОТЕРЯНА. И НАЙДЕНА	84
И СНОВА ПОТЕРЯНА...	89
ВЗЯВШИСЬ ЗА ГУЖ...	100
ПРОШЛОЕ	108
ГОСТЬ	120
КОЛДОВСТВО В МЕРУ	137
МНЕНИЕ ИЗМЕНИЛОСЬ	144
ТАК БЛИЗКО	149
...И ВСЕ ЖЕ ТАК ДАЛЕКО	155
...И ЕЩЕ ДАЛЬШЕ	167

Оптовые продажи: (095) 684-56-45
Розничные продажи: (095) 688-97-51

Мэри Нортон
Помело и медная шишечка

Перевод Н. Ерильченко

Издательская фирма «Унисерв»
ЛР № 061891 от 01.12.1997

Художник А. Черных
Корректор О. Лежнева
Компьютерная верстка Д. Папкович

Подписано в печать 23.12.2004. Формат 60х90/16.
Объем 11 п.л. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Тираж 3000 экз. Зак. 19

**Литературно-художественный
журнал**

**для учащихся
младших и средних классов**

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ ДЛЯ СЕРДЦА И РАЗУМА

Дорогие мамы и папы, бабушки и дедушки!

Задумывались ли Вы когда-нибудь, почему наши дети так мало читают произведения писателей, которые им преподают в школе?

А от того, как они воспримут и поймут Пушкина, Тургенева, Толстого, Некрасова, Гоголя, Чехова, Салтыкова-Щедрина, Гейне, Гете, Бунина, Цветаеву, Ахматову, Бугакова, Мандельштама в значительной мере зависит не только их личный уровень культуры, но и уровень культуры всей страны.

Влюбить детей в литературу, поэзию, помочь сформироваться художественному вкусу, приблизив их к творчеству классиков, привить им на всю жизнь стремление к познанию прекрасного — цель, которую ставят перед собой издатели журнала «Детское чтение для сердца и разума».

Весело, непосредственно, с удовольствием каждый его номер будет учить наших детей чувствовать и распознавать добро и зло, мыслить, да и просто правильно говорить.

**Подписной индекс журнала
в каталоге Роспечати — 71689.**

Более подробную информацию о журнале вы можете получить в выпускающем его издательстве «Унисерв».

Телефон издательства: (095) 684-56-45

E-mail: info@uniprint.info

В издательстве можно приобрести
вышедшие ранее номера журнала.

Журнал издается с 1997 года.

ISBN 5-86035-047-3

9 785860 350472 >